

О дружбе и любви,
о земле и море,
о жизни и о бессмертии

ЛИА О'ХАНЕЛ

СКВОЗЬ ВЕКА

1 часть

ЗАНЯТИЕ
«НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ»

Ли́а О’Хане́л

**Сквозь века. Первая часть.
Занятие «не хуже других»**

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

О’Ханел Л.

Сквозь века. Первая часть. Занятие «не хуже других» /
Л. О’Ханел — «Э.РА», 2016

ISBN 978-5-99062-238-8

Молодой дворянин, спасаясь от брака, выбирает неизвестность, полную приключений. На своём пути он встретит людей, отношения и дружбу с которыми он пронёс сквозь века. Действие происходит в 17 столетии – и не только. Книга основана на реальном материале, автору даже придумывать ничего не пришлось. Итак, о Вечности – языком приключений.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-99062-238-8

© О’Ханел Л., 2016
© Э.РА, 2016

Содержание

1. На Старой дороге	5
2. Перстень	22
3. Сатториус	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лиа О'Ханел

Сквозь века. Первая часть.

Занятие «не хуже других»

1. На Старой дороге

Он шёл один по грязной дороге. Кованные сапоги. Пистолеты за поясом. Рубашка из тончайшего батиста, очень дорогого, не вполне белая уже, воротник надорван. Потёртые бархатные штаны модного лилового тона – и такой же камзол. Тяжёлый испанский плащ. Ношение полковой формы, разумеется, обязательно – но именно поэтому Харрада не в форме своего полка, а в светском платье. На груди – ладанка-оберег со святыми мощами – вещь, в бою совершенно необходимая. Левая рука – привычно-небрежно – на эфесе. Сзади тихонько топает рыжий Чинк. Умница Чинк. Дружище Чинк. Верный боевой конь.

Позванивает амуниция, брякают шпоры.

Ветеран. Доблестный воин Его Величества. Дон Михаэль де Ла Харрада, или, за глаза, Рыжий Чёрт.

Каким ветром занесло его сюда, зачем, что делает он на этой ненужной ему войне, будет ли он жив – и есть ли в том смысл... Зачем вообще он родился? Каково его предназначение, – да и есть ли оно вообще – это предназначение... Такие или столь же глубокие мысли отродясь ещё не посещали его кудрявую рыжую голову. Он был молод, велик ростом, силён, здоров, беззаботен. Он был счастлив – и даже не подозревал об этом.

Сегодня, несмотря на усталость и хорошую выпивку, ему охота пройтись.

Слева – мутный закат над голым полем, справа – хлипкие изгороди. Позади, уже далеко, – харчевня «Золотой Лев», дыра дырой, несмотря на название. Впереди, далеко за лесом, – военный лагерь, его, Михаэля, палатка (одноместная, не хуже офицерской), слуга – брюзга, походная грубая постель и, как пить дать, нетоплено.

Если б не вечерняя поверка – так и вовсе бы в полк не возвращался – а пошёл, например, к Жанин, хорошенькой жене кондитера. Она всегда кормит его сладостями. Но после вечерней зори запрещено покидать лагерь. Последствия – страшно подумать.

Вот разве после поверки сбежать незаметно. Повеса решил, что, пожалуй, так и сделает, если у костров сегодня будет скучно: то есть если не приехали маркитантки.

Он вступил в войска совершенно случайно, как, впрочем, почти все его товарищи, два года назад. Будучи девятнадцати лет от роду, сумел-таки уйти из-под отцовской опеки, из-под отцовской власти. Попросту сбежал. В чём был и куда глаза глядят. Рассчитывал наняться на корабль до Америки. И без малого через неделю, вполне закономерно, оказался посреди дороги: в довольно дорогой одежде, при дорогой шпаге, с парой очень дорогих лошадей, и – без денег и без выхода, между домом и морем. А главное – при слуге, который вот-вот поймёт, в какое дурацкое положение влип хозяин. Чёртов репей! Харрада уж и так и эдак гнал его от себя – от самого дома гнал. Настырный Ренато не отставал ни в какую. Понятно: боится вернуться домой один. Старого-то господина боится ещё больше, чем молодого.

Молодой господин судорожно соображал, что же предпринять для «сохранения лица». Времени до обеда и, следовательно, до разоблачения оставалось совсем немного. Гордость позволила бы Михаэлю, потомственному дворянину, не есть самому. Но не позволяла не накормить слугу. Продавать же что-то «с себя» – значит признать, что нуждаешься. Немыслимо.

Выручили вербовщики. Очень выгодное предложение: «призовая выплата» – сразу на руки, как дворянину, за вступление в полк. Плюс довольствие, экипировка, регулярное жалование, содержание одной лошади. Плюс «воинские» – за каждое крупное сражение, если оно выиграно, разумеется. А главное – огромная честь служить в кавалерии элитного гвардейского полка. Он нужен королю! Вступление со своим конём только приветствуется.

Кроме того, вступив в войска, сын лишает отца всяких прав на себя. Теперь он принадлежит армии. Вот так!

Дон Михаэль решил свои проблемы, отправившись с нарядом вербовщиков, так кстати подвернувшихся, – и в расположении полка подписал контракт со Штурмовой Белой ротой: и чести больше, и оплата у штурмовиков – дворян максимальная, а срок службы меньше. И капитан Белой роты де Вилла-Лобос раздражал его менее других, что тоже важно.

Его записали. Но прежде чем причислить к элитным частям, сильно и незаслуженно обидели глупой просьбой снять камзол и рубашку – «дабы убедиться, что физически он развит не хуже, чем прилично дворянину его возраста».

Харрада взбесился! Но подчинился. Ему, как и всем, пришлось, стиснув зубы, пересилить себя и не скандалить: армия – это армия; деньги нужны были до зарезу – а теперь вот ещё и долги проклятым вербовщикам.¹

Мало того, что он должен был, как урод в цирке, хвастать собой – так от него ещё требовали ответа на совершенно неумный, нелепый, неуместный, по его разумению, и оскорбительный вопрос: какого рода оружием он владеет! А то по нему не видно?! Что «родился» с мечом и в седле. Что силён и опасен! Чертовски опасен! Да против него любой из этих здесь – просто курёнок!!!

Харрада терял терпение.

– Я похож на человека, не владеющего каким-то оружием?! – невежливо, вопросом на вопрос, тихо, сквозь зубы отвечал он, уже едва сдерживая себя.

¹ Новобранцев из благородных заставляют раздеваться не просто так. Так сходу сбивают спесь с избалованного отпрыска знатного рода. Самый короткий и простой способ укрощения. «Золотой молодёжи» сходу и без всяких слов втолковывают: ты себя продал, тебя купили. Ты теперь – никто, собственность армии. Прав у тебя никаких больше нет кроме одного: повиноваться без возражений. Что сказано – то и делай. Важный вельможа, когда ему в наглядной форме продемонстрируют, до какой степени он теперь в чужой власти, до какой степени он – *ОН!* – *подчинён!* – будет беситься и дымиться. От его ярости, от его отчаяния в этот момент можно бумагу поджигать. Сеньор смолчит, конечно – потому что уже всё понял – но искры с него сыпаться будут, да так, что видно невооружённым глазом! А с простого – не будут. Есть такие молодчики, что, принарядившись попышнее да подороже, присваивают чужое имя в надежде получить доступ в элитные роты (где платят больше, а служить легче). Такой легко и охотно выполнит приказ оголить торс. Для него продемонстрировать себя как товар, как лошадь на ярмарке, – никакое не унижение. А может, и «спинная честь» не сохранна? Благородный не может носить на себе следы плети. Он – благородный! Хозяин. Таким образом, разоблачение (в прямом смысле слова) рекрутов позволяет быстро вылавливать самозванцев. Вполне надёжный способ. В элитных частях служат только потомки рыцарей. Не нуждающиеся в муштре. С молоком матери впитавшие идеи доблести и чести. Приученные отцами к железной дисциплине. Обученные обращению с конём, верховой езде, владению белым и огнестрельным оружием. Знающие тактику ведения боя, боевые приёмы – и умеющие всё это применять. А главное: люди эти с молодых ногтей одержимы жадой подвигов. Готовы терпеть любые невзгоды и лишения – во имя долга и славы. Погибнуть во имя славы! Их бог – родовая честь. Дворянин не ропщет, когда в битве или на марше приходится тяжелее, чем хотелось бы. Чем больше трудов, чем больше опасностей – тем больше славы! Дворяне горды. Жаловаться, проявлять слабость – недостойно! Потомок рыцарей счастлив своим умением всё вынести, всё преодолеть! И победить. Эти люди боятся не смерти, не увечий – они боятся бесчестия. Не подведут, не побегут, не предадут. Если долг велит стоять насмерть – стоят насмерть. Они надёжны, они верны слову, на них не страшно положиться. Из потомственных дворян формируют силы, которые будут задействованы в самых тяжёлых и ответственных случаях. Этими силами осуществляются прорывы, прикрываются отходы, выигрываются самые безнадежные сражения. Костяк армии. Военная элита. Понятно, что элита эта и вербует, и службу несёт на особых условиях. Чрезвычайно привлекательных и для иных безродных авантюристов. Вот почему, принимая в полк наследника рыцарских традиций, его подвергают своеобразной проверке. И, что ещё полезней, спускают с небес на землю. Просто и эффективно. Всего-то – «попросить» сорочку снять.

Капитан Штурмовой роты всё понял.

– Я беру Вас, – быстро сказал он, явно опережая формальности. – Мне нужны такие люди. Запиши, голубчик...

– Но положено вписать, каким именно... – встрял писарь, пытаясь восстановить порядок. Лучше бы он молчал.

В ту же секунду щеку и ухо ободрал ему, и воткнулся глубоко в стену стилет. Три свечи в канделябре распались на три огрызка каждая, рассечённые выхваченной у дежурного офицера шпагой, тот и пискнуть не успел. Стол проломлен ударом огромного кулака и опрокинут, стул из-под писца вышиблен. Капитаны отброшены в сторону – и на них предупреждающе-грозно нацелено смертоносное жало шпаги. Невесть когда позаимствованный у одного из них пистолет упирался дулом прямо в наглый любопытный нос помертвевшего бумагомараки. Пистолет, отнятый у другого, торчал у буйного новобранца за поясом. Сапогом буйный новобранец наступал писцу на грудь. Погром занял ровно полторы секунды – как ураган прошёл. Внезапно наступившая звенящая тишина казалась нереальной.

Харрада смотрел обидчику прямо в глаза, и рука его не дрожала.

Теперь он соизволил заговорить (он уже вполне овладел собой, хотя и не остыл ещё). Обвёл собравшихся тяжёлым взглядом и спросил тихо и зловеще:

– Ещё?

Арестовать дебошира не попытались, о чём он втайне даже пожалел: хорошая получилась бы драка. Капитан ладонью вверх протянул руку – за пистолетом – и сказал:

– Нет достаточно, благодарю Вас. – И писарю: – Подбери свои бумажки, кретин, сядь за другой стол и пиши: все виды оружия, в совершенстве. И считай, что легко отделался. Перебьёшь ещё раз – велю выпороть и прогоню с места. Пиши. Белая рота. – Потом пожал полуголому великану руку и сказал: – Вы мне нравятся.

На что тот, не отводя ясного взгляда голубых глаз, холодно и нагло заявил:

– А вы мне – нет, – и добавил раздражённо: – Порядочки тут у вас!

Обиженный лейтенант с возвращённой шпагой сделал было попытку реабилитировать себя в глазах начальства, объяснив нахальному новичку в двух словах, что армия – это дисциплина. Широко ослабившись, Харрада ответил ему:

– Выйдем? – и тот побелел: чёртов верзила справился с ним голыми руками – а на выходе ему вернут его оружие. Побелеть-то побелел, но, молодец, не опозорился, за эфес схватился:

– Да я тебя...

– Господа, господа, вы в штабе! – прикрикнул на смутьянов капитан Белой роты. – Соблюдайте приличия. Поединки запрещены. – А капитан Чёрной Разведроты Париетас для доходчивости повторил: армия – это дисциплина. И начал расписывать, как много зависит от дисциплины. На что Михаэль ничтоже сумняшеся отбрил «не своё» начальство, указав на писаря, всё ещё размазывающего по щекам кровь и слёзы:

– Вон она – ваша дисциплина. С собой сперва разберитесь. – И теперь за шпагу едва не схватился Париетас.

Но контракт с грехом пополам был подписан, деньги получены. Михаэль сделался состоятельным человеком. Шестьсот песо! Отродясь в руках не держал таких денег. Если их сохранить, да плюс «воинские»! Будет на что поехать в Америку – посмотреть Новый Свет, о котором столько везде разговоров. И будет на что жить. И не придётся наниматься на корабль.

Пока заполняли бумаги, Харрада с надеждой выжидаяще смотрел на посмеявшегося зацепить его лейтенанта – тот усердно делал вид, что всё забыл, что ничего не было, что занят чем-то другим: оборачиваться и не думал. Окликнуть обидчика Михаэль не мог: здесь штаб. Ничего, подумал он, ты ещё выйдешь. А я тебя дождусь.

Так наш искатель приключений стал солдатом. На минимальный срок. На неполных два года.

Чинк был первым, что увидел Михаэль, вырвавшись на вольный воздух из штаба, где писались в военное рабство молодые дворяне, – как правило младшие, обделённые отпрыски знатных и не очень родов.

Он стоял особняком на коновязи. Могучий рыжий жеребец, которого продавали. Роскошный жеребец. Очень правильно и красиво сложенный – само совершенство. Большой, но не грузный. Явно выносливый и очень сильный. И – опасный. Чертовски опасный. Что называется – не для каждого. Харрада любил таких. Он прекрасно разбирался в лошадях – лучше любого, всю жизнь занимался, с самого детства, знал о них всё, включая «секреты», и вполне заслуженно гордился своим знанием. Ему хватило взгляда, чтобы понять, какое перед ним чудо. Но он прошёл бы мимо – мало ли на свете отличных лошадей, у него у самого такие, – не подойди к нему продавец:

– Купите, сеньор! Настоящий боевой конь, сеньор. Правда!

Действительно, похоже на правду: на жеребце специальный нагрудник, изрядно помятый и побитый. Именно специальный – надевается на особым образом обученную лошадь и защищает её при нанесении ударов грудью. И оголовье – особенное. Без «железа». Ни мундштука, ни трензеля нет. Значит, жеребец выучен и выезжен лучше, чем для корриды. А нужна такая уздечка, чтобы враг не хватал под уздцы. Подковы тоже непростые: потолще обычных и с *шипам*. Значит, умеет бить ногами по команде. Настоящий людоед.

Вернее, настоящий боевой конь. Умеющий сражаться опытный убийца, быстрый, бесстрашный и безжалостный. Конь-воин. Разумеется, Михаэль знал о таких – кто же о них не слышал! Легенда известная. Но увидеть «живую»... Из знакомых никто не видал: такие кони – большая редкость, и стоят дорого, – и на рынки не попадают никогда.

Покупатели возле означенного чуда не толпились. Немудрено: самоубийц нет.

Восхищались с расстояния двух десятков шагов – переговаривались, ахали, охали, цокали языками. Но долго не задерживались: жизнь дорога. Совершенно ясно было, что лошадь эта никого к себе не подпустит.

Боевой конь свиреп уже от природы – а после определённой подготовки делается абсолютно неукротимым и неприступным. Признаёт одного только хозяина, которому предан безмерно. Именно таким и был Чинк. Многие умеющий, особым образом обученный боевой конь, успевший отличиться не в одной баталии. Осиротевший и неуправляемый. Страшный в своём неподвижно-уверенном спокойствии.

Для справки: средние цены конского рынка. Вполне приличную лошадку, на которой не стыдно показаться в свете, можно купить за двадцать – тридцать песо. Животное классом выше, из «элиты», вроде Гнедого или Хорезм-III аха, может потянуть на все двести – двести пятьдесят. Это очень много. Цена хорошего боевого коня исчисляется десятками тысяч. Не каждый может себе позволить. Столько стоит замок.

Харрада смотрел на жеребца, и душа его горела.

Он хотел эту лошадь! Хотел страстно, до горячки, как ничего и никогда в жизни. Это была его! лошадь! *ЕГО!*

Настоящий боевой жеребец! Живая легенда. Совершенство без единого изъяна. И рыжий!

У слуги погибшего идадьго, хозяина коня, видно, язык не поворачивался назвать настоящую цену своему «наследству». Бедняга знал, конечно, что Чинк стоит целого состояния, но едва ли мог представить себе, насколько это состояние велико. Не знал действительной ценности полученного «в наследство» сокровища. А может, отчаялся уже выручить хоть что-нибудь за неуправляемого убийцу, молниеноснодвигающегося, к которому никто не рискнёт сунуться ближе, чем на двадцать шагов. И не запрашивал за своего людоеда слишком уж много.

Чинк продавался втридешеве.

Но купить его Михаэль всё равно не мог. Баснословной «призовой выплаты» не хватало. Даже если продать обоих своих коней – и Гнедого, и даже Хорезм-Шаха.

В бешенстве от того, что вынужден просить, вернулся Харрада к своему капитану. Пришлось снова сдать оружие, чтобы пустили в штаб.

– Я разрываю контракт, – заявил он, бесцеремонно растолкав очередь, и бросил на стол полученные четверть часа назад деньги.

Де Вилла Лобос побагровел.

Кругом желающие записаться. *Пока ещё* желающие. И вдруг является некто, кто уже подписал контракт, потом вышел, поосмотрелся, после чего *служить здесь ему расхотелось*. Что подумают остальные?! Тем более что недовольному сейчас в жёсткой форме объяснят, что дороги на свободу больше нет. Скрутить его и взять под стражу будет совсем непросто: чёртов громила уже показал себя. Скрутят, конечно – помнут, но скрутят. Какой ужасный пример для тех, кто пока ещё не «собственность армии»! Разбежится ж половина. Во, во, уже нервничают. На дверь поглядывают, от стола отодвигаются... Давно капитан Белой роты не попадал в столь щекотливое положение.

На выручку своему товарищу поспешил капитан Чёрной роты Париятас, попытавшись поговорить со смутьяном помягче да потише, так, чтобы уладить дело миром и не распугать остальных, ни в чём при этом не уступив. Он развернул полковой экземпляр бумаг:

– Вы достаточно внимательно прочли текст, который подписали?

– Да! – де Вилла-Лобос обрадовался поддержке: – Вы знаете условия. Кажется, они Вас только что вполне удовлетворяли. Вы ведь подписали это.

Наш любитель боевых коней не сказал, что не нуждается в помощниках, чтобы помнить, что и когда он подписывал и чем удовлетворялся. Соблюдая субординацию, вообще ничего не сказал, но взбесился ещё больше – оттого что его считают дураком. Скрипнул зубами и промолчал.

– Невозможно расторгнуть контракт вот так вот просто. Для этого существуют специальные условия, – настаивал капитан. Знал Михаэль прекрасно, что там за «условия»: драконовские. Совершенно невыполнимые. Огромная неустойка (тройная!). Либо, для особо отличившихся и, опять-таки с дозволения командования, покупка офицерского патента, что ещё дороже, и далее – служба на более свободных условиях с правом пойти в отпуск, или даже уйти в отставку. – Если у Вас изменились обстоятельства, мы это обсудим. Но позднее. Перечтите пока текст и займитесь составлением прошения на имя главнокомандующего. Подойдёте вечером.

Ловко вывернулись. Разговор следовало считать окончанным, приличия требовали теперь удалиться. Но от Михаэля не так-то просто отделаться:

– Обстоятельства не изменились! – процедил он сквозь зубы: – Но я походил тут, посмотрел... – и выдержал паузу. Вербующиеся ещё больше задёргались. Кто-то вытягивает шею в попытках разглядеть, кто-то придвигается ближе, чтоб лучше слышать, что там не так, что штурмовика не устроило.

– А мне понравилось! – Заявил он с вызовом: – Не тот контракт.

Капитаны были сбиты с толку и порядком удивлены. В чём, собственно, дело?

Вот теперь пора.

– Там пункт. Заменить на семь лет. Условия позволяют.

Это меняло всё. Действительно, такая поправка есть, со многими оговорками, разумеется. Да кто ж о них вспомнит теперь! В искусстве спора такой способ называется «от противного». Что и требовалось доказать.

– Да, увеличить срок службы возможно, – ещё больше удивился де Вилла-Лобос: семь лет солдатом в штурмовых частях – срок предельный, и чистое самоубийство. А разница в цене невелика, по этой же причине. – Но зачем?!

– Я сказал.

– Да: Вам понравилось. Дон Михаэль, не спешите, послушайтесь совета. Вы всегда можете подписать новый контракт, даже по окончании предыдущего. Это выгодней, и это Ваше право. Это удобно. Куда торопиться? Ступайте и подумайте хорошо.

Тему снова следовало считать исчерпанной. Думают, отделались. Не на того напали. Наш страстный любитель лошадей видел, что командиры доведены почти до белого каления, что разговор будет совсем другим, останься они без свидетелей. Но отступить не собирался. Там – его Чинк.

– Мне лучше знать, что для меня удобно. Я решил.

– Что ж, решили так решили... – сдался наконец де Вилла-Лобос и взял перо. – Потрудитесь назвать причину. – Безусловно, как начальник он имел право знать. Пришлось вводить посторонних в курс своих проблем:

– Чёрт возьми! Деньги нужны.

– Что, до такой степени нужны, и так вдруг? Что случилось? – переспросил капитан.

Харрада хрустнул кулаками – и лишь сдержанно выругался. И присмотрел, что бы разбить на случай дальнейших расспросов.

Впрочем, деньги нужны всем. Ответ удивления не вызвал. В конце концов, чем на больший срок вербуется дворянин, сильный, взрослый и владеющий в совершенстве всеми видами оружия – тем лучше. Контракт переписали. «Призовая выплата» возросла до максимально возможной: восемьсот песо. Хватило бы на покупку дома. Или на треть офицерского патента.

Полученный на руки тяжёлый мешочек очень улучшил его самочувствие: дело можно было считать сложенным. Он надеялся даже, если повезёт сторговаться, сохранить за собой белого Хорезм-Шаха: солдату Белой роты необходима лошадь белой масти, и за Хорезм-Шаха получена надбавка по контракту. Да и не в том дело. Хорезм-Шах – подарок отца. Расстаться с ним было бы слишком тяжело.

Он уж прикидывал, как будет он подходить к своему Чинку. Чтобы признал добром, его ведь нельзя «ломать»... А дотошный Вилла-Лобос всё не отпускал. Спросил-таки, правда осторожно так и вежливо, для какой цели его солдату так срочно потребовалась такая сумма.

И что теперь? Признаться, что влюбился в лошадь?! С первого взгляда, да так, что не семи лет – самой жизни не жаль? Какое кому дело!

У Харрады уже голова кружилась от злости. Вопрос был законный. Командир требовал отчёта. Снова приходилось посвящать всех подряд в свои дела:

– Покупаю боевого коня, – медленно, сквозь зубы, процедил новоявленный вояка, всем своим видом показывая, что комментариев не потерпит. Больше его, правда, ни о чём не спросили.

– Браво! – воскликнул капитан Белой роты. – Вот слова настоящего мужчины.

– У меня не бывает *других* слов, – бросил Харрада мрачно, разъярённый тем, что смеют судить и оценивать его слова и поступки. И тем, что «своё»-то начальство уж не вызовет. И ушёл, от греха. Похвалу, как и осуждение, он не выносил в равной степени, считая одинаково унижительными.

– Ужасный человек, – сказал, покачивая головой, капитан Чёрной роты.

Капитан штурмовиков пожал плечами:

– Хороший солдат. А теперь и с боевым конём.

– Неуправляемый, – гнул своё Париятас: – дисциплине не поддастся.

– Ничего, с норовом немного. Так у меня все с норовом, – заверил штурмовик, – и все поддаются.

И снова его приятель и вечный соперник несогласно покачал головой:

– Слишком горяч. Нарвётся в первом же сражении. И плакали Ваши денежки.

– Нет не плакали. Вы видели, как он двигается? Что, не Вам достался?

– Мне?!

– Да!

Михаэль не слушал. Утешился немного тем, что выходя пнул дверь, чуть не сбил кого-то с ног, придрался – и вызвал, – и тут же поссорился ещё с одним, смотревшим слишком пристально. Может, он ещё и Ренато, своего слугу, поколотил бы за что-нибудь – но отвлёкся на покупку Чинка, – куда как более важное событие. И его ещё с месяц, наверное, ничто кроме Чинка вообще не интересовало. Приручал потихоньку, приучал «людоеда» к себе.

На первых порах, бывало, даже вскакивал среди ночи и бегал спросонок на конюшню: точно ли живой боевой конь – его?! Не приснилось ли! И всё не уставал удивляться своему невероятному счастью: заполучить *такую* лошадь!!! Но за два года совсем привык, и больше на эту тему уже не задумывался. Его Чинк, его «Золотой Ибериец» всегда рядом, надёжен и предан. И так и должно быть.

Учёного боевого коня Харрада выменял с приплатой на своего Гнедого – очень дорогого жеребца чистейших кровей (вместе с седлом). Приплатить пришлось совсем немного. Восемьсот песо. Всю «призовую выплату».

Удивительно удачная сделка.²

Рыжий Чёрт в полной мере оценил своё рыжее приобретение в третьем своём бою. На прирученном уже «людоеде» он сражался впервые. Дорогая покупка весело понесла его прямо на плотно ощерившийся длинными копытами пикинёрский строй, защищающий ряды вражеских мушкетёров. Погонять не было нужды: жеребец вкладывал в разгон всю душу, словно торопился скорее надеться на пики – и его, Харраду, надеть. Известно, что нельзя пробиться в лоб сквозь три шеренги пикинёров: так говорят ветераны. Если не успеть смять строй до того, как будут подняты пики, то первый, второй и часть третьего ряда конницы почти неизбежно погибнет на остриях, открывая путь всей штурмовой роте. Надёжнее и безопаснее зайти «косо»: тогда погибает только лошадь, да и то не всегда.

Чинк и Харрада на нём летели первыми – даже впереди первого ряда конной атаки. Вперёд и прямо. Михаэль уже распрощался и со своим необыкновенным конём, и с самой жизнью. Страх не было. Да, это безусловно конец.

Но славный конец. А потом ему передалось настроение рыжего жеребца. Воля к борьбе. Азарт! Азарт атаки. Он чувствовал себя неуязвимым, непобедимым – и таким свободным! – и всё подгонял и подгонял своего «Золотого Иберийца» навстречу битве и победе. Пики ещё лежат. Успеть! Строй вражеской пехоты приближался. Пики подняты! Михаэль отчётливо видел солдат, изо всех сил вцепившихся в древки: перекошенные от нечеловеческого напряжения покрасневшие лица, сведённые судорогой пальцы, корпус подан вперёд, левая нога –

² Небольшое уточнение. Чинк продавался мало того что «втридёшева». Он продавался уже полгода. Вернее, *не* продавался. Возле него и впрямь не толпились. Знай Харрада раньше – сторговал бы его просто даром. И контракт закончился бы ещё прошлой осенью. Уже был бы свободен, уже по Америке бы гулял вместе со своим Чинком.

прямая – сзади, правая – впереди, чуть согнута. Пики должны быть строго перпендикулярны линии атаки – чтобы не снесло, – и задним концом должны хорошо упираться в землю – чтобы принять тяжесть лошади. За два шага до столкновения Харрада по наитию выслал своего жеребца на длинный прыжок. И Чинк прыгнул! И сделал невозможное. Легче бабочки тяжёлый конь перенёсся через три шеренги пикинёров, через три ряда длинных пик. И обрушился тяжело коваными копытами прямо на головы совершенно беззащитного в ближнем бою противника. Тут же мощно отбил назад³, и принялся бить, крутиться и крушить, усердно помогая рубящемуся хозяину. Похоже, он тоже любил воевать.

Штурмовики хлынули в прорыв вслед за Харрадой. Оборона сломлена «изнутри», позиция взята самой малой кровью.

После боя лейтенант Андреас де Сольседо и даже капитан де Вилла-Лобос лично поздравили разгорячённого ещё Михаэля, не приближаясь, однако, вплотную к его опасному жеребцу.

Де Вилла-Лобос не прогадал: расходы по контракту этого верзилы уже окуплены сполна.

С того, первого, боя прошло почти два года. Харрада поосмотрелся, пообтёрся в полку. Обзавёлся множеством врагов – и считается поэтому весьма уважаемым человеком. Во всяком случае, во всех спорах его слово всегда последнее.

Лошадей своего полка он знал наперечёт. Всех. Более шести тысяч. Знал клички, повадки, особенности хода, норов, резвость, недостатки, здоровье, возраст... Знал, какая на что способна. Кроме Чинка в полку оказались и ещё лошади, злобные, смелые и умеющие драться – и немало; были даже настоящие боевые кони, всего восемь, эти – на особом счету, – и все они не стоили гвоздя из подковы его «Золотого Иберийца». И был Сип. Красно-чёрный великолепный породистый жеребец, принадлежащий некоему дону Мигелю, лейтенанту Чёрной роты.

Нигде, никогда, ни у одного вельможи не видал Михаэль такого коня.

Увидав Сипа в первый раз, он готов был жмуриться и тереть глаза. Показали бы на картинке – сказал бы, таких не бывает! Но Сип был: из плоти и крови, живой. Да ещё какой живой! Горячий, что называется, «с огнём». Харрада чуть за сердце не схватился.

Какой жеребец! Рослый, статный, с безукоризненно правильными формами и не просто мощной, а изумительно красиво вылепленной мускулатурой. С самой прекрасной и благородной, какую он когда-либо видал, головой. Шея, плечи, хвост, ноги... – всё – совершенство. Каждая линия. Даже масть – вороная с фантастическим вишнёвым отливом, сроду такой не видал, и не думал, что бывает! – лишь ещё подчёркивала элегантность животного, мощь и гармоничность его сложения. Конь был сказочно прекрасен.

Глядя на эту красоту, Харрада терял способность соображать и почти что слышал пение ангелов. Боже, какой жеребец!

Но это было не всё. Его ждал ещё один удар – когда снова увидел Сипа, накануне очередного сражения: в боевом нагруднике, в специальном оголовье – без «железа». *Боевой конь?!* Михаэль снова чуть не схватился за сердце. Такая лошадь! И не под ним.

С этой несправедливостью легче было бы мириться, принадлежи чудесное животное Филиппу⁴, например, или хоть принцу или герцогу какому. Да хоть полковнику на худой конец.

³ Это называется «каприоль»: лошадь бьёт ещё в прыжке, ещё не приземлившись. Очень сложный для исполнения элемент.

⁴ Его Католическому Величеству, первому дворянину королевства. Кстати, ныне здравствующий король – тёзка отца Харрады.

Но владел Сипом просто дон Мигель Гарсиа Марес, не примечательный ничем кроме своего Сипа.

Харраду жгла мысль, что таким невообразимым, таким сказочным сокровищем владеет простой смертный, ничуть не лучше, и даже не знатнее его самого, ничем не выдающийся. Как?! Как обыкновенный дворянин и всего-то лейтенант может быть достоин *такой* лошади! Почему?! Вопиющая несправедливость. Он не заслуживает. Михаэль принялся дотошно и планомерно выискивать подтверждений тому, *насколько* эта несправедливость вопиющая, до какой степени дон Мигель не заслуживает своего коня. Это вовсе не значит, что, получи Харрада такие доказательства, он принялся бы изыскивать ещё и способы получить и коня. Нет. Просто стало бы, наверное, легче от того, что он прав.

Начать с внешности. Потому как и смотреться-то на Сипе будет далеко не каждый. Не так-то просто соответствовать такому выдающемуся животному. Эта лошадь – не для каждого. Она слишком хороша. Она слишком хороша для кого угодно.

К несчастью, внешность Мигель Гарсиа имел – не придерёшься. Высокий, широкоплечий, статный, стройный.

Редкое сочетание силы и элегантности. Той самой элегантности, которой, Харрада знает, самому ему – недостаёт. Прямо скульптура. Черты лица тоже – вполне себе ничего: правильные черты. Лоб мыслителя, выющиеся тёмнокаштановые волосы, густые чёрные брови, почти чёрные глаза и очень сильный взгляд. И нос подходящий. И скулы вполне. Волевая линия рта. Подбородок – тоже – удачный. Всё – обыкновенное, нормальное. Ладно: правильное. Да только весь он – чёрт возьми! – воплощённое благородство.

То есть, Гарсиа вполне был собою хорош.

Да что там «хорош»: он чертовски красив! До обидного красив – настоящей мужественной красотой. Красив настолько, что ничуть не портит своего Сипа своим присутствием. Они прекрасно смотрятся вдвоём: красивый всадник на красивой лошади. Справедливость вынуждала признать, что под Гарсией Сип смотрится значительно лучше, чем смотрелся бы под Харрадой. Да что там под ним – под самим Филиппом и то смотрелся бы хуже. А дону Мигелю Сип ещё и «под масть», это было совсем уже досадно. Всё! Всё соответствует. Даже руки. Кисть руки и пальцы у него такой изысканной, такой аристократической формы, что как раз только и держать поводья такого коня – вот в таких вот руках. Создаёт же природа! Вот на кой чёрт ему быть таким красивым?! Понятно. Чтобы коню своему сказочному быть подходящей парой.

В тот день Харрада так был расстроен, так ревновал, так увлёкся стараниями, поднявшись на стременах, увидеть, как дерётся Сип (и владелец Сипа), что потерял бдительность и пропустил хороший удар копьём. И, верно, лишился бы жизни – будь под ним в тот день Хорезм-Шах, а не Чинк. Умный конь не стал дожидаться, пока дурень хозяин «проснётся»: в последнюю секунду, сам, без всякой команды, крутнулся на задних ногах и отвёл от него удар – и опять-таки не дожидаясь команды, сам пристукнул копыеносца передними ногами. И тут же, снова сам – и зубами и ногами – отбил ещё одну, двойную атаку сбоку.

Пристыженный Михаэль больше уже ворон не считал, а целиком отдался рёву и ярости боя вокруг.

Вечером, залечивая солевыми компрессами глубокую царапину от копья на плече своего Иберийца, он ругал себя ничтожеством и предателем: Чинк прикрыл его, выручил как настоящий друг, а он! Просто «подставил». Да ни один на свете распрекрасный самый Сип не стоит подковы с ноги его Чинка. Потому что Чинк – друг.

На царапину пришлось-таки накладывать швы – и как же Михаэлю было больно, когда коновал её чистил и шил! Может, не чувствуй он себя виноватым, не было бы так тяжело. А так – лучше б его самого резали. Наложить закрутку он не позволил.⁵ Просто был рядом и

⁵ Если спросить у лошади, что лучше: так постоять потерпеть, или чтобы губу зажали в специальной петле с палочкой

держал голову своего Иберийца – чтобы дался добром, без повала, – и этот зверь, доверяя ему, стоял смирно и сносил всё спокойно, только немного передёргивал шкурой. А Харраду как железом жгло в том месте, где в друга втыкали чёртовы иголки. Он старался не смотреть. К концу операции взмокли оба, причём Харрада – куда больше, чем Чинк.

По счастью, всё обошлось:⁶ рана не загноила, аппетита жеребец не потерял, настроения тоже. Зато Рыжий Чёрт совершенно излечился от своей ревности, и на Сипа более не заглядывался. Почти не заглядывался. Великолепный Сип уже не затмевал в его глазах его Чинка. Конечно, Сип красивее: да, красивее, глупо с этим спорить. Он красивее кого угодно. Но – не лучше. Харрада не хотел его. Почти не хотел.

Всё что ему было нужно – это убедиться, что нет на свете человека, достойного владеть таким жеребцом. Вот разве тот, кто его действительно оценит. Ну, к примеру, сам Михаэль. Или хотя бы король. И уж точно не тот, в чьих руках Сип сейчас.

Результаты наблюдений не утешали.

С внешностью, ладно, понятно. Красавец, чёрт бы его побрал. Не хуже своей этой лошади. Но это ведь без разницы. Внешность для мужчины – вообще – пустяк, последнее дело. Михаэль решил, что данный пункт он пропускает как не имеющий значения. Куда важнее образование. Вот сам он, например, – весьма образованный человек, и знает целых три языка с половиной. Это много, между прочим. Другие знают лишь по три, а то и только два.

А дон Мигель, говорят, переводит просто с любого на любой – хоть с арабского на китайский. И говорят, он знает всё на свете. Если не врут. Сведущ в истории, алхимии, юриспруденции, медицине. В астрономии, механике, политике, физике, философии... Да в чём угодно. Но это ведь тоже – не самое главное? Ну знает он много – и пусть себе знает. Какая к чёрту разница! Здесь армия, а не университет. Неважно. По крайней мере, к коню отношения не имеет.

Заглушив свою ревность этим доводом, Харрада перешёл к куда более важному и куда более многообещающему для себя пункту: а каков этот Гарсиа «в деле»? То есть в драке. Потому как самому Харраде равных по силе и ловкости нет. Одолеет кого хочешь, в любом бою – хоть двух, хоть шестерых. Дальше восьми, правда, его воображение не пошло. При этом продолжает усердно упражняться. Ежедневно. Ну, или почти ежедневно. Он очень хорош.

Хорош настолько, что против него даже «в круг»⁷ никто не выходит. Боятся. Хоть бы и по двое. Рыжий Чёрт – слишком страшный противник. Вот так! Поэтому он вполне заслуженно считает себя совершенно непобедимым, смотрит поединки с чужим участием, да вместе со всеми свистит и орёт – тем и отводит душу.

Он слышал, что и Гарсиа этот хорош, рассчитывал поймать его «в кругу» и доказать обратное. И вот свершилось. Лейтенант принял участие в турнире. Обычно-то он тоже держится в стороне. Как и Харрада, только наблюдает. А тут вдруг решился выступить против оставшегося сильнейшим. Тот ответил на вызов. Зрители притихли. Харрада приготовился выйти.

(чтобы внимание всё в губу ушло, ни до чего больше дела не стало, а взбрыкнуть ни-ни: держат за губу), лошадь, конечно, скажет, что лучше уж она как-нибудь так, сама постоит.

⁶ Чтобы рана не загнивала и не приключился тетанус, коновал не просто её зашивает. Сначала выстрижет вокруг шерсть. Затем промывает как следует большим количеством очень горячей воды, и, если не поленится, то подсоленной, это лучше. При этом обязательно использует жёсткую щётку и простое мыло. Только простое! Не надо приплачивать и просить «мыло получше», то, каким пользуются модницы, и в котором есть духи! Не надо. Лучшее – не всегда лучше. В данном случае подходит только то, каким стирают прачки, и в котором, кроме мыла, ничего нет. Если коновал заинтересован в том, чтобы сделать всё хорошо, то тереть он будет, не жалея, много раз, и во всех направлениях. Не надо просить: «полегче, приятель» и обещать поколотить. Если сейчас делать «полегче», то потом без лошади останешься. Зато имеет смысл приплатить ему, чтобы старался. Он и остатки мыла может смыть не просто водой, а молоком или даже вином (лучше красным). Ещё и мёдом жидким смажет непосредственно под шов. Ну а компрессы солевые или с солдатской травой – это уже всё равно потом сам хозяин делает, после всего.

⁷ То есть меряться силами: бороться или с оружием. Обычно на противников ещё и заключают пари, хоть такое и запрещено.

Дон Мигель приветствовал всех коротким кивком. Он был спокоен, и даже – Харрада мог поклониться – печален. Может, как раз и хотел отвлечься от каких-то своих невесёлых мыслей.

Схватка оказалась короткой. До обидного короткой: Гарсиа закрутил и заломал «сильнейшего» на второй же секунде – и совершенно беспомощного повалил и прижал коленом. Помог подняться, пожал руку, снова коротко поклонился зрителям и быстро покинул круг. При этом ничуть не разгорячился и не развеселился – даже словно бы ещё поскущел.

У Харрады и его победа, и манера держаться вызвали более чем уважение: он был восхищён. Жаль, не успел сам против него выступить. Такой противник! Такого повалить – честь велика. Но свистеть вслед и орать: эй подожди-ка! – на сей раз представлялось совершенно неприличным и неуместным. Не тот человек.

Что удержало тогда Михаэля? Только ли невозможность кричать в спину «эй постой» такому как Гарсиа? Или, если быть честным, не хотелось расстаться со славой страшного и непобедимого? Кто знает...

Гарсиа Марес, уже вдалеке, принимал поздравления с видом короля, не показывающего скуки только из уважения к этикету. Видно, не рад был, что привлёк внимание.

Рыжий Чёрт преисполнился зависти: сам он так держать себя не умел. Да никто не умел. Молодой лейтенант разительно отличался от своего окружения.

Здесь нужно отметить, что признавать другого хоть в чём-нибудь лучше себя – это было для Михаэля что-то новенькое. Но признавать приходилось. Соперник обходил его по всем позициям. Обходил без напряжения, даже не подозревая, что участвует в гонке. Невероятный человек.

Ну и что! Зато Харрада лучше всех разбирается в лошадях, все это признают. Тем себя и утешил.

Случилось однажды: взбесился свирепый боевой жеребец капитана Чёрной Разведроты. Сам-то капитан рухнул вдруг без чувств: следствие контузии, полученной ещё днём (дело было в «сезон»). Надо помощь оказывать, кровопускание там и ещё чего, и лекарь уж подрос – а конь не подпускает. Пока искали Рыжего Чёрта – потому что, если кто и совладеет с неуправляемым крокодилом в образе лошади, то только Харрада, – пока вызывали слуг Париятаса – уж кого-то из них «крокодил» его знает, может, послушает, – Марес без шума отвлёк этого монстра и увлёк в сторонку. Просто взял за нащёчный ремень и повёл. И тот пошёл. Дон Мигель что-то ему рассказывал, довёл так до левады, расседлал и выпустил – тот бесновался потом в леваде, пока не прибежали слуги капитана. Как Гарсиа его взял?! Ничего особенного, говорят, не делал – в глаза, говорят, глянул, и всё. Тот заморгал, заморгал, и присмирел. Врут, конечно, напридумали. Дон Мигель, видно, лошадь эту и раньше знал, вот и всё объяснение. Да он, говорят, и сам так объяснил.

Хотя... Взгляд у него – раз увидишь – не забудешь. Немного сверху вниз. Холодный, спокойный, чуть насмешливый. Пронизывающий, и – отчуждённый. Возникает не особенно приятное ощущение, что человек этот видит тебя абсолютно насквозь, что знает о тебе точно всё, – но ему всё равно... Говорят, никто не может смотреть ему в глаза дольше одной-двух секунд. Не то что лошадь – даже начальство. Вот тебе и «просто лейтенант».

Аристократ, до мозга костей. За семь миль видно, что знатный. Осанка, выправка, манера сдвигать брови, поворачивать голову, шпагу обнажать... Да всё! Как у короля.

И одеваться умеет хорошо: вроде неброско и строго, но явно очень дорого.

Ловок, силен, абсолютно бесстрашен. Всегда безупречный. Всегда спокоен и сдержан. Неразговорчив, смеётся редко. Нет, не редко – он вообще никогда не смеётся. Считает недостойным своего положения, – или прав, кто сказал: «В великом познании – великая скорбь». Вот Гарсиа Марес и серьёзен всегда, бесстрастен, суров, задумчив... Или печален. Ну да, при его-то грузе знаний ему, должно быть, всегда есть, над чем задуматься.

Под ноги попался камешек. Харрада хотел наподдать ему, но оглянулся вокруг, передумал и поднял. Так. Покосившееся пугало вдалеке. Годится! Назначил пугало мужем кондитерши. Чинк взволновался и принялся проверять. Проплясал круг в погоне за рукой, приговаривая по-лошадиному: «ну-ка, ну-ка! Что там у нас! Это для меня?», заставил остановиться и ворошил носом кулак, пока не развернул все пальцы. Пошлёпал губами по открывшейся ладони. Нет, камень – это невкусно, можно бросать, он не против. Он даже отвернётся. Прицел... Попал. Пугало совсем легло. Рыжий Чёрт нагнулся за другим булыжничком. Прикинул на руке вес. Поискал глазами, куда бы пульнуть, не нашёл и запустил просто на дальность.

Да кто он такой, этот Марес?!

О себе не распространяется. Ни с кем никогда не сходитесь близко. Стена холодной вежливости. И его *никто и никогда не видел пьяным*. Невероятный человек. Представить его с пятном на сапоге; в рубашке, ворот которой потерял свежесть; с плохо завязанным шнурком на камзоле или, к примеру, небритым (самое естественное для всех прочих состояние, включая самого полковника) – просто невозможно. Сеньор дон Мигель Гарсиа Марес безупречен всегда и во всём. Впервые Михаэль видел человека, напроць лишённого слабостей.

А если обратиться к материям ну совсем уж высоким?.. Честь, долг, достоинство. Ведь в вопросах чести Харрада весьма щепетилён. Не спустит никому. Но и по-пустому не придерётся. Он – знаток кодекса, и горд этим.

А у Мареса настолько высокие моральные принципы и обострённое чувство справедливости, что именно он признан в полку главным экспертом в вопросах чести. Строгости, порой суровости его суждений побаиваются не только боевые товарищи, но и командиры элитных частей, да и сам полковник де Сарсо. Но в самых сложных и запутанных случаях, когда не разберёшь уже, кто прав, кто виноват, и с чего всё началось – к кому обращаются? Обращаются к Маресу. Его слово – истина в последней инстанции. Его решение – закон. Спорить с ним – не приведи Господь: один-два убийственных (причём справедливых) аргумента, и несогласный гарантированно становится посмешищем.

Вот так. Даже здесь обогнал Харрада его невероятный соперник.

Спустя пару месяцев от начала этого необыкновенного турнира Михаэлю уже не казалось странным, что все так почтительны с Маресом. Его все знают, но о нём не говорят. Его боятся, перед ним заискивают. С ним стараются не встретиться взглядом. С ним, всего-то лейтенантом, очень считается командование, в его обязанности входит присутствие на военных советах. Лейтенанты все периодически должны бывать на советах, для порядка, что ли, это вроде как дежурство у них такое: стоят там вроде мебели, для солидности. А вот Гарсиа там, по слухам, не «иногда», и не «для мебели» – он *участвует* во *всех* военных советах! – и голос его там далеко не последний. Говорят, он прекрасный тактик. А может, дело не только в этом. Что-то такое в нём есть. Какая-то странная сила.

Через полгода придирчиво-завистливых наблюдений человек этот представлялся Харраде едва ли не небожителем. Рыжий Чёрт сделал заключение, не слишком для себя лестное: владеть таким конём, как Сип справедливо не ему – а как раз-таки дону Мигелю. Достоин. Даже завидовать ему перестал. Почти перестал. Он, правда, грешным делом, пытался перенять манеры «переодетого принца крови», видя, какое впечатление производят они на дам, – да и на командование. Усилий и трат это потребовало чрезмерных, надолго его стараний не хватило: плюнул – и утешил себя тем, что сам-то он девочкам и так нравится. И в полку уважают.

Мигель Гарсиа остался вне досягаемости.

Больше всего на свете Михаэлю хотелось помериться с этим человеком силами. Вот одолеть бы его! Одолеть хоть в чём-нибудь. Хоть просто в грубой силе. А вызвать – не смел. Уважение его к дону Мигелю было столь велико, что даже не посмел вызвать – не казалось стыдным.

Но однажды они сойдутся. Непременно сойдутся в рукопашной. Или сам он как-нибудь решится – или сам Гарсиа Марес его заметит, – и вызовет. И тогда – кто кого.

Тем временем солнце уже почти село, а наш путешественник вошёл в лесок. За ним тихонько топал рыжий Чинк.

Из памяти вдруг вынырнул лазарет.

Одной из обязанностей Мареса является инспектирование полкового лазарета. Как он не боится? Жуткое место. Михаэль побывал там однажды: вынес из боя Родригеса. Родригес очухался ещё у него на руках – и его начало трясти. Боялся операции, боялся смерти, боялся лекаря... Очень боялся. Старался не показывать, конечно, держался, как получалось, – но получалось у него не очень. Харрада просто не смог бросить его там одного и остался, помогать держать на операции, и для поддержки. И после с ним сидел.

До сих пор перед глазами стоит – как беднягу прикрутили ремнями к столу, как потом... Ох он и орал!

В тот день вообще много раненых было.

Вот дьявольщина, лезет же такое в голову. Харрада даже поплевал и для верности перекрестился. Он, как все, любил думать и говорить о славе, о подвигах, обсуждать оружие, боевых коней, боевые приёмы, ратную доблесть. И совершенно не любил говорить и думать о лазарете. Никто не любит. Это вроде дурной приметы.

Он остановился. И остановился его Чинк. Шагнул поближе, упёрся лбом ему в лопатку, и принялся с усилием чесать себе башку – об хозяина, как об забор. Есть у него манера развлекаться: толкнуть, кунуть слегка, взбрыкнуть, пихнуть. Или почесаться. Двенадцать лет скоро – а всё играется. Михаэль пожурил его, поправил седло, но садиться верхом опять раздумал, и подпруги затягивать не стал. Охота пройтись. Времени до проверки достаточно. Спешить некуда.

Хорошо с Чинком: в поводу вести не нужно. Сам ни на шаг не отходит: выучка. И на зов сразу бежит. Надёжен, как дамаский клинок, и верен, как ангел-хранитель. Золотая лошадь. Но любит хулиганить.

Ну и что? Михаэлю это даже нравится. Он и сам любит хулиганить. Вспомнить хотя бы, как по молодости забавлялся. Вот хотя бы, как куриц гонял, по всей Барселоне. И по всей Сарагосе. Стены домов высокие, улочка узкая, курице ни вправо, ни влево не уйти. Даже воспоминание об этом веселит. Летишь с грохотом по мостовой на белом огромном Хорезм-Шахе, задевая за стены. Нужно, свесившись с седла, ухватить удирающую со всех ног орущую толстую куру за крыло или за спину, или за что придётся. Удаётся обычно не сразу. Зато поймал её, подбросишь – летит. И хорошо летит! Ни одна поездка в город не обходилась без этого чудесного развлечения.

Делая куриц на минуту свободными, Михаэль словно бы сам причащался свободы. Но это ненастоящая свобода, не та, о которой он мечтал.

Ох и бесился же отец! Если узнавал. Не одобрял. Не затем он учил сына верхом ездить. А что он мог? Велеть слугам выдрать чадю для порядка – и всё. А на чадю такие меры не действо-

вали. Вот когда сам, лично, оттаскал за ухо – подействовало. Михаэль хорошо запомнил тот урок. Было ему семь лет от роду, и он свалился с лошади – в последний, кстати, раз: больше уж не падал. Вернее, лошадь, молодая неезженная кобылица, изловчилась его с себя стряхнуть, да ещё наподдала так, что треснули рёбра. Дон Фелиппе был в ярости. Ещё бы. Думал продемонстрировать другу, как лихо управится наследник с диким конём. А тут такой конфуз. Кричал, что это позор для него и для всего рода, что испанский гранд не может просто так валиться с лошади. Что нельзя позволять скотине быть сильнее тебя. Даже за ухо оттаскал собственноручно. И велел снова ловить «эту чёртову клячу». И Харрада-младший укротил-таки её – страшно вспомнить, как тяжело пришлось, с помятыми-то рёбрами. Но если б сдался, заплакал, пожаловался – дон Фелиппе убил бы. И правильно бы сделал.

С тех пор в нём крепко засело – не позорить род падением с лошади. И не сдаваться никогда. И ещё: любая слабость – позор для мужчины, тем более испанца и дворянина.

Вспомнив отца, бедокур развеселился: какой опасности он так удачно избежал два года назад! Ведь когда ты молод, любишь жизнь, свободу, любишь женщин, наконец, причём всех, и они отвечают тебе тем же – нет большего несчастья, чем «семейное счастье» навек, – да ещё не по своему выбору.

Дон Гуан Фелиппе пригрозил, что лишит его всего, если не женится на ком положено, то есть: на ком велено. Лишит наследства? Как бы не так! Харрада-младший сам, первый, от всего отказался. Дёру дал сразу. Вот и пусть теперь грозный его родитель обнимается сам со своими угрозами и со своим наследством. Вот так. А Михаэлю не нужно ничего. Ему свобода нужна, и ничто другое.

Конечно, будь жива мама, она вступилась бы за сына: всегда вступалась, сколько он помнил. А от отца пощады не жди. Сказал, – женит – значит, женит. Домой путь заказан.

Жаль отца. Он так хотел скорее внуков. Михаэль – последний в роду. Ну и пусть тогда женится сам. А у Михаэля насчёт себя другие планы.

Между тем темнело.

Харрада обнаружил, что, задумавшись, бредёт не по тропе, а, по привычке, гораздо левее, прямо через чащу. Он изучил эти места за время зимнего безделья, и хорошо знал этот лес. Через эти дебри ходят «гулять» во внеуставное время. Местные говорят, где-то здесь прежде была старая дорога. Примерно лет сто назад. А там, чуть впереди, заброшенный постоялый двор. Вернее, то, что от него осталось. Молодой человек хотел было выбраться снова на протоптанную тропу. До проверки гулять не запрещено – нет необходимости продираться через кусты до самых позиций. Да ещё в темноте. Но его остановил и заставил насторожиться невнятный шум впереди. Насторожился и Чинк. Потянуло дымом. И, если приглядеться, виден огонь. На постоялом дворе кто-то был. Харрада явно слышал разговор, но не мог пока разобрать. Он решил разведать: не разбойники ли здесь завелись. Неплохо бы, прямо как в сказках. Мысленно возблагодарил Бога за то, что с ним сегодня не дурачок Хорезм-Шах, а умница Чинк, которому можно знаком велеть стоять – и он будет стоять. Затаится, и ничем не выдаст присутствия. Будет охранять тылы. Михаэль оставил своего Золотого Иберийца на часах и начал тихонько пробираться к развалинам, избегая наступать на сучки. Он хотел до драки разглядеть лица.

В развалинах потрескивает маленький костерок, рядом четверо, сидят спиной вполоборота. Рыжего Чёрта они по-прежнему не видели, а он мог хорошо слышать весь их разговор.

Харрада не ошибся, не желая обнаружить себя до срока: разговор у костра шёл нехороший. Убийство. Подлое. Из засады. Более того, говорили, похоже, о нём. Кому же он *так* насо-

лил? Сразу и не поймёшь. Врагов хватает: обидел многих, вызывать бояться. Как смешно! А дальше будет ещё смешней – только не этой четвёрке.

Вот один встал и нервно прошёлся мимо костра. Михаэль никак не мог его разглядеть – мешала шляпа. На самые уши натянул, каналья.

– Вы трусы! Я сказал, получится – значит получится. Уж на этот раз точно.

Остальные тоже почтительно встали и топтались на месте. Заказчик – явно этот, остальные – наёмные.

– Сомневаюсь я, господин. Его так просто не возьмёшь. Мало нас, – говоривший повернул голову, и Михаэль узнал одного из своих постоянных собутыльников, Беррано, из канониров. То-то его не было сегодня в харчевне. Сомневается, гад. Правильно сомневается. Куда им против него!

– Верно, троим не справиться, – загнусавил другой, и Михаэль узнал голос кирасира Петерсона – второго такого гнусавого не сыщешь. – Надо бы...

– Молчать! – оборвал неопознанный заказчик. – Чем меньше народу знает, тем лучше. Вам и не надо справляться с ним, идиоты. Он вам не по зубам, – бандиты дружно закивали. Понимают! – Вы должны его подстрелить. И всё. Дальше я сам. Понятно?

– Да, господин.

– Не слышу!!!

– Да, господин, – энтузиазма во втором ответе прозвучало ещё меньше, чем в первом: бояться, с удовольствием констатировал Харрада. И правильно делают.

– Повторите план!

План был подл и гениален.

Канонир выстрелит с кривого дуба, а Леваллеро и Петерсон должны натянуть верёвку через тропу. И тоже откроют огонь. Беррано разбивает убитому голову камнем (для верности), коню перерезают горло. Петерсон сматывает верёвку, Леваллеро собирает пистолеты. Чисто и быстро. Получают денежки – и могут катиться. И ни одной живой душе.

Харрада от души забавлялся, слушая их лепет.

– По два пистолета наготове, по два за поясом! – повторял наставления неизвестный в шляпе, раздавая оружие. – Перепроверьте ещё раз, ладно ли заряжены. И не промажьте в его чёртову лошадь. Упустите – она нас всех размажет.

Точно – размажет, подтвердил про себя Харрада. Можно даже не сомневаться. Чинк такой. Только плохо они Чинка знают: попасть в него не выйдет.

Итак, третий – опять его приятель. Но каковы подлецы! Вчетвером, и из засады. На одного. Михаэль осторожно отстегнул пряжку, развязал шнурки – и опустил на землю плащ. Шляпу положил прямо на куст, и начал потихоньку освобождать клинок, стараясь не на шуметь и не спугнуть их раньше времени. Бог послал ему славное приключение, и он не собирается отказываться от этого подарка. Сейчас он быстренько прикончит главного – надо же его наконец рассмотреть! – а остальные если и успеют разбежаться – невелика беда. Он этих мразей всех выловит. Он глянул на небо: до проверки время есть.

Скрипнула, качнувшись на единственной петле, гнилая верхняя дверца.

Заговорщики загасили огонь и выползли на поляну.

– И не дай вам Бог опоздать, – внушал «заказчик». – Гарсиа проедет здесь как всегда, сразу после одиннадцати ночи.

У Харрады чуть челюсть не отвисла. Гарсиа! Вот оно что. Сволочи охотятся на Мигеля! На лучшего из лучших. Ай да Гарсиа! Ну хорош! Даже здесь его обскакал. А ведь дьявольский план, пожалуй, сработал бы. Резко в темноте верёвка на уровень шеи – и со всех сторон пальба.

– Да уж: сеньор Марес пунктуален, – отозвался гнусавый Петерсон, и все заржали, нервно и неестественно, скорее подбадривая себя, чем на радостях: – Исполним в лучшем виде. Не беспокойтесь.

У Михаэля даже в глазах потемнело от злости. Рывком обнажив шпагу он, ломая ветки, вывалился на поляну с рёвом:

– А, гад! Тебе нужен Марес? Так будешь иметь дело со мной!

– Охотно, – последовал ответ, и навстречу ему полыхнули два выстрела.

Он споткнулся о воздух и с лёту грохнулся на землю. Рванулся было вскочить, но его прошило страшной болью, он и не знал, что такая бывает, свет перед глазами померк, и Михаэль остался лежать где упал.

– Всё просто, – прокомментировал заказчик. А со вторым будет ещё проще. – Он пинком перевернул распротёртое перед ним огромное тело. – Кто такой? Как здесь оказался?

– Это ж бешеный Харрада, из гвардейцев. Чёрт рыжий! Принесла нелёгкая. Куда его теперь девать?

– Они друзья?

– Да нет вроде. Кто их знает?

– Ладно, оставьте. За кустами в темноте не видно. Я обоих потом заберу. Думаю, ему приятно будет «поприсутствовать», – и негодяи снова заржали. – Прикопайте пока немного.

У лейтенанта Мареса выдался свободный час между совещанием в штабе и разведанием караулов. Это время он проводил не без пользы: подправлял и полировал шпагу, почистил и перезарядил пистолеты. Такими вещами не следует пренебрегать. Обязанность слуги, конечно, – но иногда нужно ухаживать за оружием самому: хотя бы для того, чтобы знать, в каком действительно оно состоянии. От этого зависит жизнь. Скоро пять лет, как жизнь зависит именно от этого.

Сеньор Гарсиа был из тех немногих, кто попал в войска не по случайности. Он не вербовался на большой дороге, а прибыл в действующую армию из Мадрида – с рекомендательными письмами, и с приказом о зачислении поручиком в Разведроту. И сразу с боевым конём – с Сипом. Что говорило о состоятельности семьи. Ему не было и девятнадцати. А к девятнадцати годам он уже отличился настолько, что ему, за особые заслуги, было дозволено выкупить патент на звание лейтенанта. Более того, за патент было заплачено из королевской казны. Редчайший случай.

Его отряд считают лучшим в полку. И самым удачливым. Два года – без потерь убитыми! Правда, едва ли кто задумывается, каким потом эта «удачливость» оплачена, как гоняет лейтенант Марес своих ребят. И себя «гоняет».

Отец готовил дону Мигеля к карьере дипломата в восточных странах. Младший Гарсиа получил блестящее образование, несколько лет прожил на Востоке. А вернувшись, внезапно сменил политическую карьеру на военную службу. Почему – для всех покрыто тайной. Поговаривали о какой-то истории, но спросить напрямую никто и никогда не решится. Молодой философ никогда не сходит с людьми настолько коротко, чтобы прилично стало задавать вопросы. В полку он считается загадочной личностью. Но его любят. По крайней мере считаются.

На сегодняшнюю ночь у дона Мигеля были намечены кое-какие свои дела в городе. Разумеется, полк покидать нельзя, пойдёт он не через посты. Но – потом.

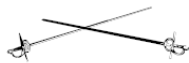
Разведёт часовых, передаст дежурство и сегодняшние пароли, отбудет со своим отрядом поверку, наведается в лазарет – даст разгон лекарю, чтобы не расслаблялся... Когда все раз-

бредутся – кто по палаткам, кто коротать ночь у костров, – он незаметно выведет Сипа на Старую дорогу.

Гарсиа посмотрел на небо: ночь будет ясная – без дождя. И без следов.

Он проверил остроту фамильного меча на собственном ногте. Замечательно! Пора.

2. Перстень

Михаэль медленно приходил в себя. Ему снилось, что он спит сидя посреди не то степи, не то пустыни – а на коленях у него свернулась пёстрая змея. Пригелась и тоже дремлет. Замечательно красивое создание. Сама чёрная, и с оранжево-красным рисунком на спине. Харрада знал, что змея эта – ядовитая, но её присутствие давало ощущение покоя и умиротворения. Ядовитые змеи в пустыне – не редкость, но они всегда убегают. А эта – взобралась на него и спит. Она очень нравилась Михаэлю. Нет, не Михаэлю. Его зовут как-то иначе. Давным-давно его звали... Забыл... Его очень давно никто не зовёт. Он не мог вспомнить, кто он такой, но его это не беспокоило. Всё это больше не имело значения.

Знаете, что чувствует не до конца убитый, очухиваясь не на том – а всё-таки на этом – свете? Нестерпимую вонь. Смердит от флакона с солью, при помощи которого его пытаются привести в чувство. И не отбиться от мерзкого этого флакона. Потому что очень уж отбиваться нельзя: чтобы не потревожить змею. Потом, словно вылепленное из тумана, колыхаясь, материализуется лицо. И если ты хоть раз был в лазарете – узнаешь лицо полкового хирурга.

Следующим после обоняния и зрения просыпается чувство полного недоумения. Где это он? Он хватился было своей змеи, хотел ещё её отыскать.

Наконец в голове совсем прояснилось, флакон убрали.

Харрада не мог взять в толк, что происходит. Неужели до такой степени вчера набрался, что к лекарю сволокли! Хороши дружки, нечего сказать. И Ренато хорош, получит ещё. Щурясь, обвёл взглядом туман – местами рассеивающийся, местами уплотняющийся: нет, это не он у лекаря, это лекарь у него. Чёрт, голова трещит! И сил никаких. И змея ещё какая-то... Лекарь говорил:

– Вот и славно, вот и очнулись. Крепитесь, юноша, сейчас снова попробуем извлечь из Вас пулю.

Пулю? Какую ещё к чёрту пулю... Пулю!!! Память напряглась и вернула молодому человеку и его самого, и события прошедшего вечера.

Что он натворил! Информацию, предназначенную не для него – не передал. Чужого врага – забрал. Да и то – не сумел это сделать хорошо. Как теперь исправлять?! Иначе – всё зря.

– Пулю потом. Мне нужно идти. Который теперь час? – он сбросил с живота холодный компресс и хотел вскочить. Тело впервые в жизни не послушалось. Компресс вернули.

– Не искушайте судьбу, юноша, – гундел полковой хирург. – Вы живы только чудом. Не делайте резких движений, или не доживёте до утра. И не пейте воды, не то умрёте сразу.

– К чёрту! – был ответ. – Я ведь дома, это моя палатка? Ренато! Где Ренато? Который час? Время! Время!

– Нет и половины десятого, хозяин, – откликнулся перепуганный слуга. – Ночь вся впереди. Послушайтесь врача. Если он сможет достать пулю, то Вы не умрёте. Он сказал, что кровь тогда только...

– К чёрту! – не стал дослушивать Харрада. – Потом! Время! Время дорого! Помогите встать. Где Чинк?

Итак, половина десятого. Надо найти и предупредить Мигеля, пока не уехал. Надо встать. Просто встать. Не так-то это, оказывается, просто. Да ещё чёртов лекарь не пускает:

– Уймись, уймись, Ваша милость. Вы ранены, у Вас бред. Вам нужно лежать. Куда Вы пойдёте! Никаких змей здесь нет, не бойтесь, – и хирург мягко, но настойчиво придавил его к походной койке. – Лежите смирно.

Михаэль едва не плакал от ярости и бессилия. Он всё же сумел отпихнуть лекаря, да так, что тот упал. Отчаяние придало сил:

– Уйди, коновал, не искушай судьбу! Уйди, не то я убью тебя вот этим вот табуретом. Ренато, одеваться! Быстрее! Время! Время идёт!

– Учтите, Вы не доживёте до утра! – мстительно выкрикнул лекарь уже у двери и увернулся от табурета. – Ещё час, и ничто Вас не спасёт!

– Господин полковой лекарь, господин полковой лекарь, вернитесь, – бросился за ним бедный Ренато. – Выньте пулю, умоляю! Что я отцу его скажу?

– Я уже говорил Вам, юноша, – отвечал тот, приостановившись: – Нет смысла и мучить его – не будет он жить, вынимай – не вынимай. Вернитесь к Вашему буйному хозяину и утешайте его как можете, а я уж туда больше не пойду.

Слуга вернулся в палатку. Его мир рушился.

– Ренато, – позвал Михаэль, – он совсем ушёл?

– Да уж ушёл так ушёл. Как ему было не уйти, когда Вы его так? Вот что мне теперь делать?

– Одеваться давай. Зачем, дурак, раздел?! Кому ещё растрепал, что я жив? Кто ещё знает?

– Никто как будто. Чинк один прибежал, ну я и...

– Некогда, некогда! – оборвал Харрада. – Рубашку давай, сапоги. Да помощи же ты мне! Только бы встать. Поднимай меня, поднимай, чёрт безрукий! – последовала серия совместных неуклюжих попыток. – Господи Иисусе! Ренато! Из лесу ж ты меня приволок! А теперь – поднять не можешь, чётров лодырь?!

– Там мне Чинк помог. Он рядышком лёг, я Вас на седло и привязал.

– Дьявол! Как же быть?

Итак, встать не получится, это ясно. От слуги проку нет, до Чинка не добраться. Раненый был в ужасе: время! Время уходит. Что же придумать? Он судорожно хватался за обрывки мыслей.

– Я должен, должен его видеть.

– Кого, господин?

– Ладно, сделаем по-другому. – Он откинулся на подушки. – Сядь рядом. Слушай. Пойдешь к лейтенанту Маресу. Он ещё в лагере: проверяет посты. Найди где хочешь, говори что хочешь, только *приведи его сюда*. Скажи, что дело безотлагательное. А главное – подберись к нему незаметно! Никто не должен знать, что вы переговарили, никто не должен видеть, как он сюда пойдёт. Тебя никто не должен узнать. А если узнают, спросят, скажешь – не знаешь, где я. Да торопись, торопись, хватит сидеть! Бегом! – и верный слуга получил пинок.

– А если он не пойдёт? Или я не смогу его найти?

– Сможешь. Ты хорошо расслышал, что сказал лекарь?! Я умираю. Видеть дону Мигеля прежде, чем он выйдет из лагеря – *моя последняя воля*. Не исполнишь – проклянута!

Перепуганный Ренато, всхлипывая, опрометью выскочил за дверь. Михаэль даже немного развеселился: хорошо он придумал, здорово струхнул бедолага. Зато и побежал, как припороженный. В его исполнительности можно теперь не сомневаться. Оставалось ждать.

Время, которое только что физически ощутимо, стремительно уходило сквозь пальцы, как песок, – вдруг сделалось каучуковым, его стало слишком много. Михаэля бил озноб. Он натянул на себя одеяло. Стены и потолок противно колыхались, наводя дурноту. Во рту пересохло, донимала боль. Он прижал руки к животу, но легче не стало. Долго ли ещё? – он не мог оторвать взгляда от темноты за приоткрытой дверью.

Прошёл час, а может – только полчаса.

Рядом на табуретке остался ковш с водой, и до него можно дотянуться, что Михаэль и сделал. Пить не решился, только прополоскал рот – надо, чтобы голос звучал нормально – ни к чему дону Мигелю знать всё: весь его позор. Чёрт, как пить хочется! Он посмотрел, посмотрел на ковш – и отшвырнул, от греха подальше, и снова уставился на дверь.

Вот. Наконец. Приглушённый голос Ренато:

– Сюда, сеньор, быстрее, не то он меня проклянёт! Давайте я подержу Вашу лошадь.

Сработало!

Дверь распахнулась. Придерживая шпагу, внутрь шагнул дон Мигель. Ему пришлось немного пригнуться, так как притолока была низковата.

– Чем я могу Вам помочь? – лейтенант наклонился к Харраде. – Ваш слуга просто насмерть перепуган. Что с Вами случилось?

– Со мной? Со мной-то как раз ничего.

Мигель выпрямился.

– В таком случае, что заставило Вас искать встречи со мной, какая срочность, и почему Вы не пришли сами? Вам в самом деле так худо? – Он внимательно посмотрел на торчащие из-под одеяла грязные сапоги.

– Нет. Я не выхожу из соображений секретности, – не вполне понятно объяснил Харрада.

Мигель вопросительно поднял брови.

– Сейчас поймёте. Слушайте.

По лицу Мареса скользнула насмешливая полуулыбка, но взгляд был изучающий. Лейтенант задумался. Дело явно необычное.

– Хорошо, только покороче. Я спешу, – он снял шляпу и перчатки и сел на край кровати. Это сотрясение отозвалось для раненого волной боли – но ничего, стерпел, сумел не подать вида. Полумрак в палатке сыграл на руку.

– Не говорите никому, что видели меня, – потребовал он. Лейтенант подумал – и кивнул: он ждал продолжения. Дело становилось всё интересней.

– Я знаю, что Вы спешите, и знаю, куда. Скоро Вы, как всегда, покинете лагерь, и как всегда поедете Старой дорогой. Там...

– Погодите. – Мигель подался вперёд. Взгляд его стал холодным и колючим. – Что значит «как всегда»? Откуда Вам известно, что я покидаю лагерь?

– Известно, и всё. Неважно.

– И чего Вы хотите от меня?

– Вернуть долг.

Марес постарался не выдать изумления. Сказал сухо:

– Вы не должны.

– Мне лучше знать. В лесу засада, за старым постоялым двором, у Кривого Дуба. Вас попытаются убить.

Лейтенант чуть презрительно улыбнулся:

– Меня и прежде убивали, да ни разу не убили.

– Не шутите так. Их четверо, но открыто не нападут. У каждого по четыре выстрела, – и Харрада вкратце и очень точно передал весь подлый план: у кого какая позиция, и из какого укрытия в лошадь будут стрелять, и про верёвку, и про камень. Марес выслушал, не перебивая.

– Вам известны такие подробности? – он постарался вложить в вопрос всё отпущенное Богом ехидство. – Откуда?

– Какая разница. Известны. Запоминайте. Беррано, канонир, Леваллеро и Петерсон, кирасиры.

– Что, все – Ваши приятели?

– Мы поссорились.

– Понятно. – Марес нахмурился.

– Четвёртого не знаю, но платит он.

– Зато я, кажется, знаю, – Мигель уже натягивал перчатки. – Думаю, мне нужно поторопиться. Свидание обещает быть интересным, не хотелось бы пропустить.

– Поторопитесь. Застаньте их прежде, чем они меня хватятся. Изменяет план.

Мигель нахмурился ещё больше:

– Они ожидают Вас там увидеть?

– Да, но не увидят. И довольно об этом. Вам пора.

Гарсиа был в сильном замешательстве: его странный собеседник смотрит глаза в глаза, не отводя уверенного взгляда, но говорит при этом такие немыслимые вещи. Что-то явно ускользало от его понимания.

– С Вами действительно всё в порядке?

– Ну разумеется. Идите же. – Говорить нормально становилось всё труднее, Михаэль боялся себя выдать. Потому что, если лейтенант задержится сейчас – то конец им обоим.

Марес не мог понять, что тут не так. Предпринял последнюю попытку внести ясность.

– Я давно присматриваюсь к Вам, дон Михаэль де Ла Харрада, и Вы всегда представлялись мне храбрым и честным дворянином. Сейчас Вы предупредили меня о большой опасности, я Вам благодарен. Доведите же дело до конца, – взгляд Гарсии снова стал насмешлив, в голосе слышался неподражаемый сарказм. – Составьте мне компанию. Их ведь четверо, а я один. Или предпочитаете соблюдать секретность?

Пришлось вынести и это.

– Рассчитывайте только на себя, лейтенант. – И всё тот же спокойный прямой взгляд: – Найдите себе ещё кого-нибудь, если успеете.

Марес встал.

– Ну что ж, я так и думал. Благодарю! За откровенность. Прощайте, – он надел шляпу и шагнул к двери.

– Да пошёл ты... – беззвучно чертыхнулся больной и закрыл глаза: теперь он мог отдохнуть. Дело сделано. Нет, ещё не всё: – Подождите, дон Мигель, вернитесь! – голос едва не сорвался.

Он вернулся. Он ожидал услышать то, что наконец развеет этот морок. А услышал странную просьбу:

– Сообщите мне, когда всё будет кончено.

Мигель с холодным достоинством молчал.

– Я должен знать.

Лейтенант Марес всё так же молча презрительно и насмешливо полуоткланялся – и вышел.

Вбежал растерянный Ренато:

– Хозяин! Как же так! Он уезжает! Уезжает! Он так и оставит Вас умирать?

– Замолчи. Он не знает. Я не сказал ему.

И тут произошло невероятное: слуга голос повысил. На господина.

– Ой, дурак ты, дурак! Он же всё умеет, всё знает! Ты мог просить его! Ещё не поздно!

– Прекрати! Я никогда. Никого. Ни о чём. Не прошу! Запомни.

– Ой, что же теперь будет! Что я отцу твоему скажу?! Господи! Он ведь мог заставить лекаря! Мог сам тебе помочь!

– Пусть сперва себе поможет. Не причитай. К тому же мы с ним, кажется, поссорились...

Ренато просто в голос завыл.

– Пресвятая Матерь Божия! Да есть тут хоть кто-нибудь, с кем ты ещё не поссорился?! Ой, что же мне теперь делать! Ой, какой ты дурак!

– Я тебя вздую сейчас. Как ты со мной разговариваешь?

– Ну давай, давай, вздуй! Как ещё с тобой разговаривать! Ведь ты покойник, ты уже покойник! Что я отцу твоему скажу! Ой бедный я, бедный!

– Ренато, – велел Харрада. – Подойди ко мне. Ну! – в горле опять пересохло, и командный голос не удавался. Говорить приходилось уже с расстановкой. – Сядь! Осторожно, не тряхни! Сядь, не бойся. Я тебя прощаю. Ну-ну, хватит реветь, хватит, смотри, ты меня уж всего соплями вымазал. Успокойся. Дону Фелиппе, если что, скажешь, что я поехал искать себе жену. По своему вкусу. И что начать решил с Нового Света, а тебя прогнал, не пустил на корабль. Он поверит. Чинка отдашь только тому, кого сам подпустит. Хорезм-Шаха девай куда хочешь, но к отцу не веди, а то он поймёт. Скажешь, я с собой его увёз. Он поверит.

Ренато снова всхлипнул.

– Сначала не начинай! Просто так говорю, на всякий случай. До этого не дойдёт. Рана не смертельная. И даже, наверное, не очень опасная. Лекарь ошибся, я лучше знаю. И проклинать тебя я не думал. Я пошутил, напугать тебя хотел.

– У Вас получилось.

Харрада ухмыльнулся:

– Как всегда. Ну, успокоился? Сними с меня сапоги. Полегче, не тяни так. Чёрт! Убить меня хочешь? Пакость эту убери, – компресс давно нагрелся и пропитался кровью, – да сделай новый. Воды дай. Давай, не бойся, или ты хочешь, чтобы я сам встал?! – Он снова только прополоскал рот. – Намочи мне лицо. Теперь голову намочи. Всю.

– Она же у Вас разбита.

– Ну и что? Не напополам ведь? Внутрь не затечёт?

– Вы всё шутите, всё шутите, – ворчал Ренато, но исправно всё выполнял.

– Ты славный малый, хоть и брюзга. Ступай теперь к лекарю. Скажи, что табуретки все убрал, что привязал меня, что я успокоился. Может, придёт. К тому же и инструменты его здесь.

– А если не пойдёт?

– Да ну и чёрт с ним. Останется без инструментов. А ты будешь пулю искать.

– Ай, мамочка! – взвизгнул Ренато и выскочил за дверь, как ошпаренный. Пугать его было одно удовольствие.

Лейтенант Гарсиа Марес гнал Сипа.

Он задыхался от бешенства. Гнев буквально застилал глаза. Никогда ещё он не был до такой степени взбешён.

Верно говорят, что от Рыжего Чёрта надо держаться подальше. Это ж не человек, это чёрт его знает что такое! Каким презрением окатил: «Рассчитывайте только на себя». Да что он о себе возомнил?! Развалился, как король, даже встать не соизволил, перед офицером простой солдат. Не из его роты, конечно – но всё же.

Какого чёрта не подошёл сам?! Заставил прийти.

Ах да, засада. Непонятно, какого чёрта Харрада этот вообще оказался замешан в этой грязной истории. Деньги нужны?⁸ Но он всё рассказал: фактически вручил ему его врага в подарочной упаковке и с бантиком. Почему?

А «компанию составить» не захотел.

«Найдите себе кого-нибудь ещё» и «Вам пора».

⁸ Конечно нужны. Рыжий Чёрт всегда в долгах, хоть ни у кого и не занимает. Долги – «дуэльные»: неустойки по чужим контрактам.

Струсил? Чёрта с два. Не обидно бы, если б так. Да только любой знает: Харрада храбр. Он отчаянно храбр! Храбр до безрассудства. А то, что он и его дьявольский Чинк вытворяют в бою – это ж уму непостижимо.

А с ним не пошёл. Просто – не захотел!

Гарсиа не мог прийти в себя от унижения.

И этого-то человека он почитал образцом храбрости, чести, воплощением мужества? Восхищался им. С тех пор, как заметил. Нельзя было не заметить. Заметили его все. Как появился в полку – так сразу и стал знаменитостью, в тот же день. О его вербовке по сию пору легенды ходят. Конечно, его знает каждый. Как можно не знать о бешеном Харраде! Этим чудовищем пугают новобранцев. С ним нельзя связываться. Чтобы попасть ему на клинок, стараться не нужно. Он не стесняясь говорит, что думает и не боится отвечать за свои слова. Авторитетов для него не существует, его мнение – единственно верное, и не дай вам Бог ему противоречить.

Дон Мигель думал было вызвать этого задиру и задавалу на состязаниях: окоротить слегка – но что-то удержало. Если смотреть правде в глаза – не уверен был в победе, – а окатиться поверженным на глазах всего полка ему, которого считают почти непобедимым! Очень не хотелось. Не вызывать Харраду в круг несложно – он не участвует, он давно – лишь зритель. Потому что его давно уже никто не вызывает: бояться быть покалеченными. Превосходство дона Михаэля в силе доказано настолько, что даже отказ выйти против него не считается позором.

При этом в полку его, похоже, любят. Он, говорят, честен, справедлив. Может даже защитить. Может вступить. Может быть великодушным. Может вынести из боя. Дня не проходит, чтобы не обсуждали Рыжего Чёрта: Харрада сделал то, Харрада сказал сё...

Он весёлый, вечно шутит. Он злой – но весёлый. Злой шутник. И все его шуточки ему всегда сходят с рук, потому что чуть что – он звереет, и лучше с ним не связываться.

Дон Мигель в чём-то даже завидовал Рыжему Чёрту. Его силе, его беззаботности. Той лёгкости, с которой тот живёт: живёт, как играет! Играючи живёт. Делает, что хочет, ни с кем не считаясь; ни о чём не задумываясь, без сомнений, рассуждений, сожалений. Он сам всё всегда знает – и ему всё равно, что говорят другие.

Кому, кому завидовал?! Этому чудовищу?! Убить мало. А ведь и на сей раз чудовищу, похоже, его наглая выходка с рук сойдёт. Нет, конечно, Гарсиа его не боится, ещё не хватало, но, как ни крути, возможно, будет обязан ему жизнью. И как должник – не имеет права с него спросить.

Дон Мигель, спешившись, пробирался вдоль Старой дороги к заброшенному трактиру. Сип, послушный знаку, неслышно, как тигр на охоте, крался следом.

У трактира пока никого. Немудрено, запас времени – больше получаса. Надо осмотреться и занять позицию. Трое наёмных – не главное. Тот, кто платит – вот, кто ему нужен.

Лейтенант Марес осторожно вышел на поляну. В темноте он видел, как кошка.

След от костра. Вот и верёвка, на дереве. Камень. Всё, как сказал этот... этот... негодяй! На камне засохшая кровь. Странно. Ещё кровь, целая лужа, уже впиталась. Размазанная кровавая полоса: тащили тело? И ещё пятно.

Следы копыт. Приметный след. Марес ощупал его рукой: так и есть, от подков крупного боевого коня.

А здесь конь ложился.

И ещё кровь.

Разрытая земля у кустов, куча веток... Снова кровавая полоса...

Что, чёрт возьми, здесь делается?

Картина произошедшего никак не складывалась – близость опасности отнимала внимание, не давала сосредоточиться.

Шорох. Шаги. Мигель взвёл курок и неслышно отступил в заросли, к Сипу. Оба затаились.

На поляну бочком-бочком выкатился Леваллеро. Воровато огляделся и стал разматывать верёвку, тянуть через тропу.

На дороге со стороны лагеря ненатурально заквакали лягушкой.

– Ты, что ли, Петерсон? – зашипел Леваллеро, тщаь пронзить взглядом мрак.

– Да я, я, – гнусаво отозвалась дорога. – Шварцахер этот где?

– Сейчас будет. Ищет, наверно, на чём их утащить, – Леваллеро нервно хихикнул: – Зачем, интересно, они ему понадобились?

– Зелье варить, наверно, будет из них. Сердце заберёт или глаза, или ещё что... Я что-то слышал такое. Он же того, говорят, колдун или чернокнижник, или как его там.

Мигель силился связать в голове обрывки сведений: «Их», «Они». Значит там, в ветках и в земле кто-то уже есть. Кого-то припрятали, – понял Гарсиа. А ещё ему стало понятно, почему Рыжий Чёрт сюда не пошёл. Потому что дело тут нечисто. За такое не винят. Ну хоть сказал бы честно – колдовства, мол, боюсь, я бы понял, – думал лейтенант. Спасибо хоть так предупредил.

Опять заквакала, заскрипела лягушка.

– Да тут мы, тут, иди уже, – прошипел Леваллеро, – лезь давай на свой дуб. Давно там должен быть, с камнем со своим.

– Да куда спешить? Он после одиннадцати поедет.

– Он-то после одиннадцати, а Шварцахер сейчас уже тут будет, и чтоб все на местах уже, и чтоб всё готово!

– А ведь Гарсию этого, говорят, убить нельзя. Он, говорят, того, заговорённый. И лошадь его.

– Ты того, не начинай, не начинай, – дрогнувшим голосом отвечал Леваллеро: – Ты страху не напускай, ты не промажь смотри.

– Ага, – согласился Беррано. – А ты Харраду проверь.

– Чего? Ты что, дурак?! Ты чего страху нагоняешь? Что ему сделается?

– А ты проверь, проверь, а то если они друзья, так он тоже тогда, того, заговорённый. Вот как вылезет сейчас... или уже вылез. И, того, ходит тут.

– Вот дурак, сам трус и всех напугал! Да с чего вдруг они друзья?

– Да с того что он напал.

У дон Мигеля мутилось в голове. Кто напал? Кто друзья? Почему «потому что друзья»? И опять этот Харрада. Это что, Харрада на них напал? И они живы?! Непохоже на него. Или напал кто-то другой? А что если дон Михаэль не пошёл сюда совсем не потому что побоялся колдовства или чего угодно – а потому что *не мог*! И говорил лёжа – не из заносчивости, сквозь зубы цедил – от боли, и говорил кратко и мало – не от презрения. Строго по делу. Ни одного лишнего слова. Он же экономил слова! Экономил дыхание. А его – вооружил информацией – и быстрее выпроводил! Выпроводил, пока не...

Лейтенанта пробил дрожь. Бросать здесь всё к чёртовой матери и бежать быстрее к нему! Только бы ещё застать!.. Только бы не поздно!

Бесшумно отступил на шаг. И – остановился. Нет. Нельзя. Рыжий Чёрт, возможно, жизнь отдал за то, чтоб у него был теперь этот шанс. И он спросит. Имеет полное право спросить. Что тогда ему ответить?! И «бросить здесь всё» Гарсиа Марес не посмел.

Если возможно заорать шёпотом, то раздался именно истошный вопль Беррано:

– Харрады нет!

– Ты что дурак говоришь! – взвизгнул Леваллеро: – Там он, там.

Петерсон, истерично заикаясь, гнусавил, как заклинание:

– Я ж его добил, я ж его добил, – пытаюсь руками раскидать землю: – Я ж добил его, добил... Я добил...

Подоспевший уже заказчик с остервенением тыркал рыхлый грунт своей шпажонкой, та не встречала ни малейшего сопротивления. Вся спесивая надменность с Шварцахера слетела. Он пятился, приговаривая:

– Я же попал в него, он упал, упал, я попал в него...

Больше не шептались. Орали в голос:

– Он выкопался. Он мёртвый выкопался!

– Они сейчас оба будут тут.

Негодяи метались, не зная, в какую сторону спастись – а вдруг мёртвый Харрада именно там. Его и живого-то боялись до смерти – а уж теперь!..

– Надо было голову отрезать!

– Чего он вообще на нас напал?

– Он всё слышал, он подслушал, ты что, дурак! Он ему всё расскажет! Они сейчас оба тут будут!

Шварцахер развернулся бежать...

И очутился лицом к лицу с тем, на кого вёл охоту. Грохнули два выстрела.

Снова тянулись секунды ожидания. Секунды, похожие на часы. Вода вновь стояла рядом, но больной больше не пытался её взять – он совершенно изнемог. Он не мог даже поправить одеяло. Всё плыло. Как там дон Мигель? Один... Должно быть, перевалило полночь. Время тянулось нескончаемо – и всё же его было слишком мало: оставалось мало. Харрада понимал, что дела его уже совсем плохи. Он боялся уснуть. Зажал в зубах палец и время от времени сильно сдавливал: помогало. Продержаться до лекаря! Время шло.

Вернулся слуга. Один.

– Ренато, воды. Что лекарь?

– Не придёт. Он сказал, что инструмент после возьмёт. Сказал, что Вы и вправду бешеный, и что успокойтесь, только когда Вас закопают. Поглубже.

Ну что ж, помощь от лекаря он всё-таки получил: в виде вот такого вот наглого ответа. Сил, по крайней мере, прибавилось вдвое – настолько ответ взбесил:

– Каналья! Не дождётся! Я ему его инструменты в глотку затолкаю. Бери щипцы! Будешь пулю искать.

– Я не могу! Я боюсь! Там же кишки внутри!

– Не голоси. Внутри – не снаружи. Между ними и будешь искать.

– Ой, и не только внутри!!! – Ренато упал лбом на кровать и разрыдался.

– Да, проку с тебя мало. Замолчи. Поедешь в город. Найдёшь врача там.

Слуга поднял голову и хлюпнул носом:

– Он дорого берёт, а у Вас денег нет.

– Продай Хорезм-Шаха.

– Так ведь ночь.

– Ничего, его и ночью купят. Ступай.

Зачем он это делает? Почему продолжает борьбу? Ведь знает прекрасно, что сделать уже ничего нельзя. Его судьба совершилась. Почему бы просто не выпить воды. Отвести напоследок душу. Но Рыжий Чёрт не привык сдаваться. И пусть с ним всё кончено – бороться он будет до последнего. Потому что иначе нельзя. Потому что сдаться – недостойно.

Ренато встрепенулся:

– Ой, я же знаю, кто купит Чинка прямо сейчас.

– Ты у меня в лоб получишь прямо сейчас. Чинк учёный. Не смей, пока я жив. Воды дай. Голову намочи. Ещё воды. Ступай. Стой. Слышишь? – Кто-то гнал лошадь во весь опор. Сумасшедший перестук копыт приближался. – Выйди посмотри. – Коня резко осадил у двери. Выйти посмотреть Ренато не успел: с ног его чуть не сшиб вошедший, вернее влетевший в палатку Мигель:

– Живой! Слава Богу! Куда ранен?! – Он едва переводил дух. Выражение крайней тревоги, страх ожидания самого худшего на его лице мгновенно сменились облегчением, даже радостью, и тут же – обычной спокойной суровостью. За полсекунды – буря чувств. И Марес снова, как всегда, строг, невозмутим, властен: – Почему не в лазарете! Полковой хирург извещён?

Не человек – скала. Но Харрада успел увидеть всё: и отчаяние, и смятение, душевную боль, и надежду, и неуверенность... А этот Марес, оказывается, совершенно не тот человек, за которого себя выдаёт. Надо же! Смешно.

– А Чинк только досюда донёс... – проблеял Ренато.

Разумеется, Харрада спросил:

– Там – всё?

– Да. И всё – и все. Я принёс Вам Вашу шпагу. Вот Ваш плащ, шляпа.

Марес велел Ренато топить печку, греть воду, зажечь все лампы, свечи, какие только найдутся. И снова возмутился, что нет лекаря.

– Постойте, – не мог понять Харрада: – и после всего того, что я Вам здесь наговорил – Вы – принесли шляпу? – он старался говорить бодро.

Гарсиа пожал плечами:

– Вы же просили сообщить. – Он ещё не совсем отдышался, но, видя, что вступившийся и получивший за него не так уж и плох, начал успокаиваться: – А Вы хорошо меня разыграли, Харрада. Я ведь чёрт знает что о Вас подумал. Такое зло взяло. Зачем Вам понадобилось наговаривать на себя? Почему не сказали мне всё как есть?

– Да так, – оправдался Михаэль: – На всякий случай. Так было лучше... Сам – цел?

– Цел. Благодаря Вам – ни царапины. – Марес уже снял и шляпу, и перчатки, плащ, камзол – и закатал рукава своей безупречно белой сорочки. – А знаете, они там действительно переполошились, когда Вас не нашли. Как крысы забежали. Вам бы понравилось. – Он пристально смотрел на Михаэля при свете единственной лампы:

– Вот чёрт! Как это можно было не увидеть, не знаю. Не понимаю, как я мог не понять.

– Понять? Ха! Увидеть. Увидеть – я не позволил. – Рыжий Чёрт был доволен, что хоть в чём-то перетянул, пусть напоследок, но хоть в чём-то он – сильнее. Повторил: – Я – не позволил!

Гарсиа промолчал. Посмотрел рану на голове: не огнестрельная...

– Ерунда, – пытался отбиться раненый: – Сам обо что-то приложился, спьяну.

– О камень, приготовленный для меня? – съязвил Мигель и не прекращал осмотра. Взял руку Рыжего Чёрта: проверить пульс, и увидел сгрызенные до крови костяшки пальцев – и изменился в лице:

– Что: такая боль?! И ты всё это время!.. Что ж ты мне голову морочишь. В живот?.. – он резко обернулся к слуге: – Где! чёртов! лекарь?! Ты сообщил ему?!!!

Харрада, никогда и ни от кого не ждавший сочувствия, и менее всего – от «небожителя», готов был сквозь землю провалиться:

– Нет, это не то... – оправдывался он, пытаясь отобрать руку, – Это... чтоб... не уснуть! Дай! Пусти!! Пусти руку!!! – Уличён! Боже, на какой постыдной слабости он попался. Он не знал, куда деваться под взглядом Гарсиа. А тот, казалось, видит его насквозь. И не уйти, не спрятаться. Спрятать, скрыть хоть руки со следами зубов. Рванулся из последних сил и с рыком: – Да не позорь же ты меня! – вырвался. Руки – под одеяло: – Не говори ничего. Просто уйди...

Дон Мигель покачал головой:

– Хорошо же тебя подстрелили, – заключил он. – Говори куда и не глупи, – и взялся за одеяло.

Ничего говорить Михаэль не собирался. И одеяло отдавать – тоже не собирался. Не показывать! Не дать увидеть отметины малодушия на руках.

– Как ты вообще узнал.

– Неважно. Узнал.

Харрада по-прежнему уверен был, что лучше бы не узнавал: сделать-то всё равно уже ничего нельзя. Поздно. Он понимал, что обязан уберечь Гарсию от ненужного потрясения. Не мог бы объяснить и себе, почему это так важно – но почему-то это стало очень важно. Он знал, что обязан, что защитить Гарсию – его долг. Может, потому что Гарсиа нечаянно позволил ему разгадать себя? Позволил увидеть душу. Нельзя ему это. Нельзя:

– Уйди, Гарсиа! Я всё исправил. Уходи Христа ради. Я больше не должен тебе ничего. Уходи скорей.

Нельзя! Ему нельзя. Потому что скоро не станет контроля, и тогда!.. Он же такое видел. На такое смотреть невозможно. «Смертная тоска» уже подступила. Значит, скоро.

Он хотел одного: чтобы Гарсиа ушёл – ушёл и всё забыл, – и крутился, как уж на сковородке: только бы выпроводить:

– Это пустяк, царапина. И врач был, смотрел. Не трогай меня. Я буду спать.

– Смотрел – и не раздел, – подметил Гарсиа.

– Я потом оделся.

В уголке, обхватив руками голову, тихонько подвывал Ренато:

– Не слушайте. Ой не слушайте его, господин.

Мигель посмотрел на одного, на второго. Сумасшедший дом какой-то.

– Ренато! Замолчи и бегом за лекарем!

– За городским? – обрадовано шмыгнул носом слуга, сразу подхватившись. Наконец-то понятное указание. Вот и хозяин ему то же говорил. – Я как раз собирался. Я сейчас. – Он вытер нос с намерением выдвигаться.

– За полковым! – прикрикнул лейтенант. Городской-то врач, конечно, хорош: просто чудесник. Да только ездить за ним – это ещё часа два-три потери времени. А полковой хирург – здесь, в пяти минутах бега, и должен немедленно явиться по такому сигналу – это прямая его обязанность. Пусть хоть начнёт пока первую помощь оказывать, а там видно будет. – Быстро полкового веди.

– Он не идёт. – Ренато сник и снова всхлипнул, указав на саквояж с инструментами, которые эскулап бросил, спасаясь. И возле двери – разбитый табурет: – Я просил его, просил. Так просил! А он обиделся и боится теперь идти.

– Заткнись! – попытался припугнуть умирающий. Но дыхания не хватало, грозный окрик не удался. – Трепло. Рана не опасна. Я лучше знаю.

– Именно поэтому Вы сказали, чтобы я на Вас не рассчитывал. – Съязвить Марес умел. – Всё, – скомандовал он. Он уже всё понял: – Хватит. Ренато! А ну быстро! Раздевай его, – и сам тоже взялся за дело. – Всю одежду с него долой. Не трясги его, чёрт: без резких движений, осторожно! Боже мой, что за человек! Вызову тебя! Как Бог свят вызову, когда поправишься. Неопасная, значит, рана, да? Уйти мне опять, да? Что ещё придумаешь, а?! Ты меня спрашивал, нужна ли мне помощь?! Ну? Спросил ты меня?! Теперь я тебя спрашивать не буду!!! Сам он всё решил! За меня решил, да?! Всё! Теперь я всё решаю.

– Нет! – из последних сил пытался вырваться, отбиться Харрада: – Какого дьявола! Не смейте! Я не разрешал! Уйди! Ты не можешь! У тебя права нет!!! Нет!

– Молчи. А у тебя право было? Теперь мне всё равно, есть ли право у меня. – Рыжего Чёрта всё равно раздевали, осторожно – но быстро: – Ещё раны есть? Что на спине? Да молчи же ты. Все силы истратишь.

Харрада не дался бы, если б мог – но ничего он уже не мог – только ругаться, да и то плохо получалось.

Так с Рыжим Чёртом и справились. Легко. И всего лишь вдвоём.

Да только радости эта победа Мигелю не принесла.

А Михаэль знал, что не принесёт, он просил:

– Не надо...

Попытку сопротивления Мигель истолковал по-своему:

– Не бойтесь, дон Михаэль: я *понимаю* в этом. Руки за голову. Ренато, помоги своему сеньору. Терпите. До сих пор у Вас получалось.

Но когда глянул на рану внимательней – ему сделалось не до шуток. А когда закончил осмотр и выпрямился, лицо его было белым, как полотно:

– Это я виноват.

– Брось, не присваивай, – хрипло усмехнулся Харрада. – Всё я решал.

– Но как же Вы!..

Повисла тяжёлая тишина. И лекарь не ошибся, и время упущено. На Мареса было больно смотреть. Рыжий Чёрт подбодрил его издёвкой.

– Что, не привык за пять лет? Говорил – не смотри. Не знал бы – и хорошо. Нет, надо ему... Сейчас хоть уйди... Слишком ты... нежный. Чёрт! Не ждал я от тебя... такой... чувствительности.

Мигель смотрел на Рыжего Чёрта и видел, что осталось тому – час, может – два. Что сделать ничего нельзя. Смерть неизбежна, и лёгкой она не будет – и что Михаэль всё это знает. Шанс, который он имел, не был велик, но всё же это был шанс. Харрада прекрасно знал, на что идёт, отдавая свои два часа. Последние два часа, в которые мог ещё помочь себе.

– Нельзя было мне уходить.

– Ты не уходил, Гарсиа. Это не твоё решение. Я сам всё решил. И сам всё сделал. И тебя – заставил. Без выбора.

– За что? – спросил Мигель очень тихо. – Зачем ты сделал это со мной?

– Простая математика, – объяснил Харрада: – Глупо двоим пропадать. Хватит одного.

Не надо пропадать двоим... Слова резанули чёрным ужасом, неизбытым, холодным, древним... За простой этой математикой – лучше один – стояло что-то слишком страшное, слишком неправильное и – слишком знакомое. Словно вновь повторялось что-то... непоправимое. Горе, давнее, как этот мир.

Дона Мигеля затрясло. Он совершенно потерялся. Ровно на одну секунду на его лице промелькнуло выражение крайнего ужаса – но он сразу же овладел собой, подобрался:

– Этого не будет, – сказал, как приказ отдал. На лице – никаких эмоций. Бесстрастен, уверен в себе. Владеет собой и абсолютно владеет ситуацией. Как велел – так и будет. Ни тени растерянности, неуверенности.

Но Харрада снова успел увидеть всё – и растерянность, и смятение – всё. А Гарсиа-то ещё впечатлительнее, чем ему показалось... Да что он такого сказал? Ничего такого он не сказал, правильно всё. Логично. Ему вдруг пришло в голову – а хотел бы он сам оказаться по ту сторону этой логики: на месте Мигеля? Чтобы за него вступился кто-то и... Не получилось представить: никогда за него никто не вступался. Он сам – да, а за него – нет. Не требовалось. Вот разве Чинк.

Михаэль улыбнулся через силу и, наверное, впервые в жизни произнёс:

– Прости, лейтенант. Не то что-то я сделал. Прости. Я не подумал.

– Молчи. Тебе же трудно говорить.

– Да нет, не очень. – соврал Михаэль (вот извиняться – это уж точно потрудней, – не сказал он вслух). – Ушёл бы ты... Обоим бы легче.

– Как ты ещё держишься?! Молчи, я и так уже понял, что ты упрям. Можешь больше не доказывать. Береги силы: они тебе понадобятся. Всё хорошо. Всё поправимо. Я знаю, что делать.

Вода на походной печке уже вскипела. Лейтенант осмотрел вина, выбрал подходящее. Он не мог поверить, что делает это. Пять лет страха, липкого страха, до дрожи, до тошноты... Пять лет ночных кошмаров. Пять лет осторожности. И вот где она – вся эта его осторожность. Вот оно – начало кошмара наяву. Дон Мигель Гарсиа знал, что безусловно губит себя. Но почему-то это перестало иметь значение. Всё перестало иметь значение. Решение принято:

– Я не отпущу тебя.

Ренато он услал: за водой. Смешал в нужной пропорции вино с кипятком, повернул камень на перстне и высыпал в бокал несколько бордово-красных крупинок – те мгновенно растворились. Посмотрел на Харраду очень внимательно – прикинул вес, а также тяжесть состояния – и добавил туда же оставшиеся. Разорвал платок, смочил в снадобье и, свернув, осторожно затолкнул прямо в рану, глубоко:

– Держись, сейчас станет лучше. Ты только пожалуйста держись.

Снадобье прожгло не хуже железа.

Рыжий Чёрт стерпел, сумел не заорать. Даже не застонал. Но потерял на этом последние силы.

– Держись. Всё будет хорошо, – доносилось до него словно из другого мира: – Всё поправимо. Всё хорошо. Теперь пей.

Но он не совсем ещё впал в одурь:

– Нет.

– Да почему, чёрт возьми!

– Нет... Мне... нельзя... – голос уже едва повиновался: – Нельзя – пить.

– А-а! «Коновал» сказал? А ты поверил. Пей, доверься мне. Пей.

Харрада чувствовал, что проваливается. Жизнь свивалась в тугой смерч и уходила. Он вдруг так ясно увидел, каким же он был ослом, всю ночь. Так изводил себя, и напрасно: *пить-то – можно!!!*

– Михаэль! То, что ты для меня сделал!.. – говорил Мигель. – Знаешь, у меня ведь нет друзей. И не было никогда – только я об этом не знал. А теперь, когда друг у меня есть – я опять об этом не знал. Держись, солдат. Держись, брат. Пей. Пей, даже если это будет стоить мне жизни. Мне теперь всё равно.

От микстуры исходил терпкий бальзамический запах, на вкус – огонь. Михаэль припал к кружке, вцепился так, что отнять невозможно, даже уже пустую. Всё равно, что пить – хоть огонь – только пить.

Того, что говорил Гарсиа, он не понимал, да едва ли и слышал. Он понимал только, что пить – можно. Весь мир для него был сейчас в этих трёх глотках, ничто больше не существовало.

– Ну и натерпелся же ты, – прокомментировал Гарсиа. – Как выдержал? Я б так не смог.

Рыжий Чёрт с безумным видом, задыхаясь, дрожащими руками продолжал цепляться за опустевшую кружку. Хоть глоток ещё! Ещё хоть каплю... По телу быстро ползло тепло, в глазах прояснялось. Внутри всё словно онемело, и боль ушла. Слабость отступала. Михаэль опомнился и кружку отдал: иссушающая жажда тоже куда-то делась.

Он чувствовал себя почти здоровым и вполне сильным. Выздоровел?! Так не бывает! Изумлению его не было предела. Ни боли, ни слабости, ни жажды, ни дурноты... Здоров! Сидит: сам сел...

– Колдовство? Вот чёрт, – пожалел он, – не знал я, что ты такое можешь.

– Да? И что? – Мигель сосредоточенно сжимал пальцы у него на запястье.

– Надо было сразу тебе всё рассказать. И вместе идти. Отправил, дурак, одного против четверых.

Дон Мигель смотрел на него с совершенно непередаваемым выражением:

– Невероятно... Не могу я понять, что ты за человек, Харрада, но по-моему, ты мне друг. А я и не знал... Я тоже Вам друг, дон Михаэль, если Вы не против.

– Это честь для меня! – Михаэль спокойно смотрел в глаза невероятному человеку, взгляда которого никто не выносит дольше одной-двух секунд.

– И для меня – честь.

Они скрепили договор дружбы рукопожатием, и Рыжий Чёрт великодушно объявил:

– Ладно, прощаю, – и пояснил: – что раздел меня. Гарсиа изумлённо поднял брови, потом взял реванш:

– Ладно. И я прощаю: что ты говорил мне при этом. Михаэль, вспомнив, залился краской. Мигель снова вручил ему волшебное питьё: следующая порция, ещё три глотка. И снова заметный прилив сил. Харрада вернул пустую кружку:

– Что это? Колдовство!

– Конечно нет, – Мигель ещё раз проверил больному пульс: – средство быстрой помощи, очень сильное. Из Тибета, из монастыря. Секретное, понимаешь?

– Там что – тоже монастыри?

– Не такие, как здесь. Расскажу, после.

Теперь раненый должен был спать и не тратить силы. Он получил новый шанс. А Мигель очень спешил по делам.

Хотел было послать слугу, но подумал и решил, что поедет сам.

– Дождитесь меня, – сказал он Михаэлю очень серьёзно.

– Ладно, не сбегу. – Харрада снова сел. – Дон Мигель!

– Да, я здесь, – он бегом вернулся от двери и спросил с тревогой: – Что?

– Это правда, что Вы знаете *слово* для лошадей?

–Что?!.. Какое?... Слово... Вы неподражаемы.

Ложитесь и обещайте больше не разговаривать, постарайтесь поспать. Я скоро вернусь, –
и Марес вышел, тихонько посмеиваясь.

3. Сатториус

Ренато, как велел дон Мигель, тормозил хозяина. Тот, не просыпаясь, пил выдаваемые три глотка – и спал себе дальше. Ему снилась степь, пёстрая змея, которая очень ему нравилась; шумный Коринф, красивый фонтан, похожий на дикий водопад и на кусочек свободы; горячие камни мостовой под ногами, кувшин на плече; океан, скованный вековыми льдами, и заснеженные горы... Словом, всё то, чего он никогда не видал.

Разбудило его энергичное похлопывание по плечу:

– Просыпайся, просыпайся, малыш! Просыпайся, к тебе доктор пришёл. Доктор будет тебя лечить.

Великан хотел было спросонок потянуться, по обыкновению, – но вспомнил, что ранен. Именно что *вспомнил*: сами-то раны не напоминали, как нет их. Чудеса.

– Кто Вы? – склонившегося над ним человека он видел впервые.

– Я и есть доктор, – отвечал тот.

Длинные, до плеч серебряные локоны. Резкие, но правильные черты: тонкие губы, тонкий орлиный нос, прямые брови – белые и густые. Интересное лицо, необычное. Глубокие морщины на щеках. Серые ясные глаза, лучистый взгляд. Старик внушал спокойствие и доверие. Михаэль слышал о нём: доктор Сатториус, местный. В отличие от большинства современных медиков, он – из благородных, даже титул имеет. Барон. Как хирург не имеет себе равных: врач от Бога. Именно у него лечится элита. Говорят, к нему обращался сам полковник де Сарсо.

Чудеса продолжались. Лучший врач, какого только возможно найти.

– Очень болит?

– Нет, – Михаэль дивился тому, как звучит голос: чисто и сильно – словом, нормально. Точно колдовство. – А Вы немец: у Вас акцент.

Врач внимательно и быстро проводил беглый осмотр: глянул под веко, пощупал лоб, измерил пульс...

– Да, правда, – отвечал он рассеянно, – я немец – но слышат это далеко не все. Ты ведь умеешь хранить секреты? Так вот: я – местный. Понял? – Он отвернул одеяло. Новая повязка осталась совершенно чистой: волшебное средство надёжно «запечатало» рану. Харрада хотел сесть. – Лежи-лежи, мой мальчик, вставать не нужно. Ты, я вижу, чувствуешь себя совсем неплохо? – Барон обернулся к стоящему за спиной Мигелю:

– Тот самый Ваш друг?

– Ага. Моя нянечка.

– Какой великолепный экземпляр! Ничего подобного не видал. Вы хотите сказать, что это из-за него мы так спешили, что я чуть не умер? Напрасно, коллега, напрасно. Судя по его состоянию, время вполне ждёт.

– Не ждёт, барон, Вы не видели раны. Ему куда хуже, чем он показывает, он и меня сперва одурачил. А состояние, – Мигель указал на опустевший перстень: – вот его состояние.

Врач охнул: информация сразила наповал:

– Но как же Вы?!.. Вы хоть понимаете!..

Гарсиа отвечал очень странно, и взгляд его был твёрд и ясен:

– Плата не важна.

– Ого! С каких это пор?

– Не медлите, не медлите, доктор! Посмотрите скорее, что можно сделать, пока он в силах это перенести. И пока средство может действовать.⁹

– Ну что ж, малыш, – лекарь вернулся к Михаэлю. – Давай, наконец, разберёмся с твоей раной – да и успокоим твоего друга? А то он у нас совсем извёлся, да и меня совсем извёл. Я уверен, что внутри у тебя всё цело, но надо же в этом и убедиться! Ну как, согласен?

Великан чуть не рассмеялся. Его забавляли манеры хирурга. Стало легко и спокойно; он почему-то доверял старому немцу.

– Давай-ка посмотрим, что там у тебя. Ох, какая мускулатура. Вот это рельеф! Просто редкостный рельеф.

Зубы заговаривает, понял Рыжий Чёрт. Смешно. Старик велел ему руки хорошенько сцепить под головой – чтобы сам себя «держал», переплетя пальцы в «замок» и придавив «замок» затылком. Совершенно излишняя мера: не стал бы Харрада позориться – хватать врача за руки. Что бы ни делал лекарь, где бы и как сильно ни нажимал, раненый отвечал только:

– Нет, не больно.

Рыжий Чёрт стыдился не то что пожаловаться на боль, он считал, что уронит своё достоинство, даже просто испытал страдание. Мужчина, воин не должен чувствовать боль от ран. Ещё и признаться самому?! Посмешище из себя делать? По счастью, эликсир притуплял «не те» ощущения.

Дон Мигель с напряжением следил за манипуляциями седого хирурга. Ему не было смешно. Он тревожился, очень. Сопереживал по-настоящему, словно чувствовал ту же боль. Точно, как сам Михаэль, когда шили его Чинка.

Это чего-нибудь да стоило? Рыжий Чёрт это оценил. Уж теперь-то он за Гарсию – горой.

Лекарь сказал:

– Я не понимаю, что мы ищем. Вы видите: совершенно никакой реакции. Похоже, пули всё-таки извлечены.

– Нет. Он терпит.

– Невозможно.

– Я вижу: он терпит. Он вздрагивал.

– И только? Хорошо. – Сатториус повернулся к больному. – Сынок, зачем ты скрываешь?

– Я не скрываю. Мне не больно.

– Ну вот видите! Дон Мигель, Вы уверены, что пули не извлечены? Не хотелось бы зря резать: вызовите и допросите хирурга, который здесь был.

Но Мигель с Михаэлем в один голос сказали: «Нет!» А Мигель добавил:

– Разговор у меня с ним будет другой, чуть позже. – Он подозвал Ренато:

– Ты разумный малый.

И «разумный малый» на радостях, что удостоился, вдохновенно залился соловьём: как притащил хозяина из лесу, и сбежал за полковым лекарем, и полковой лекарь быстро нашёл «ковырялкой» первую пулю. А потом час возился со второй и всё злился, что никак не найдёт, а хозяин всё был, как мёртвый. Потом лекарь отдохнул и хотел ещё поковырять, а тут хозяин как раз очнулся и как начал кричать: Мне надо идти, время, время, где мои сапоги!

Харрада побагровел:

– Заткнись, скотина! Кто тебя за язык тянет?!

– Тише, Михаэль, пусть доскажет. Говори, голубчик, не бойся.

Слуга опасно покосился на своего господина и отодвинулся за спину Гарсии:

⁹ Чтобы действие эликсира развернулось в полной мере, на пути тока естественных энергий не должно быть препон. То есть, если пули не извлечь, исцеления не будет. Так, временное облегчение. Перед концом.

– А лекарь-то так и убежал без инструментов – хозяин его чуть-чуть табуреткой не пришиб, самую малость промахнулся. И послал меня за Вами, господин. А потом опять за лекарем. А лекарь сказал, что хозяин бешеный, и надо его закопать, поглубже.

Мигель с трудом сдержал ярость:

– Так ты всё знал. Почему же ты, каналья, не рассказал мне всё это раньше? Сразу почему не сказал?!

Не получилось выслужиться. Слуга готов был под койку залезть, под табуреткой уместиться, лишь бы спрятаться от гнева обоих господ:

– Я побоялся, – пролепетал он, пятась к двери: – мне хозяин не велел. Он бы меня убил.

– Доберусь я до тебя, – прошипел Харрада. – Трепло.

Старый врач вернулся к больному:

– Да ты озорной? – глаза его смеялись. – Меня, надеюсь, не станешь прогонять табуреткой? Тогда займёмся делом? Убирай руки.

Но и повторный, ещё более внимательный, осмотр картины не прояснял. Лучший, какого только можно найти, хирург был совершенно сбит с толку:

– Почему молчишь? Неужели совсем не больно?

– Нет.

– А так? – и снова осторожно надавил на живот: – Тоже ничего?

– Нет.

– А так? – и резко убрал руку. Всего лишь. Но простой этот фокус оказался ещё хуже выстрела. Михаэля чуть не подбросило под потолок, из глаз полились слёзы. Он весь покрылся потом, но только крепче стиснул зубы, стараясь унять дрожь и выровнять дыхание.

– Я же Вас просил! – вскрикнул Мигель: – Я говорил Вам!

– Тише, тише, маленький, держись, сейчас это пройдёт. Неужели так больно?

– Нет! – прорывал «маленький». – Предупреждать надо! – Ему было ужасно стыдно за свою слабость. Чёрт, и Гарсию напугал. Снова перед глазами всё плыло.

– Извини, сынок, извини, я сам не ожидал, – врач держал руку у него на запястье. – Дон Мигель, Вы видели? Дело-то, оказывается, плохо, чтобы не сказать ещё хуже. Он действительно терпел. Бедный мальчик.

Но «мальчик» уже вполне овладел собой:

– Не смейте. И никакой я Вам не бедный! И жалость Ваша мне не нужна. Делайте своё дело или уходите!

– А всё-таки ты на меня обиделся. Прости, сынок, я же не хотел. Прости старика.

– Не обиделся я. Жалеть меня не надо. Не люблю я это.

– Хорошо-хорошо, – быстро согласился старик, – больше не буду. Ну и норы у тебя. – Старый врач отёр ему испарину и теперь тихонько гладил по непокорным рыжим кудрям, словно успокаивал ребёнка. Тихий голос, казалось, гипнотизировал: – Доктору нужно говорить всё. Игры в железных рыцарей – это сейчас немножко невовремя. Мужество – хорошая штука, когда оно кстати, сынок. Я ведь только хочу, чтобы ты немножко мне помог, а ты капризничаешь. Того гляди, табуретку схватишь, гонять меня начнёшь. Не начнёшь? Ну вот и улыбнулся. Вот и молодец. Ну что, не будешь больше скрытничать? Станешь мне помогать – покажешь, где сильнее болит?

На упрямого «железного рыцаря» снизошло умиротворение. Он почти сдался – и тут встретился взглядом с другом. Лицо дона Мигеля сохраняло, как всегда, суровое, даже жёсткое выражение – но он был так бледен, что Михаэль испугался.

– Нигде не болит, – поспешил он заверить. Суровый лейтенант совсем побелел, даже губы у него стали серыми:

– Что ж ты делаешь!..

Харрада быстро притянул врача к себе и зашептал ему в самое ухо:

– Посмотрите скорее на Мигеля. На нём лица нет, он упадёт сейчас. Сделайте что-нибудь, скорее, ему же плохо!

Сатториус внимательно посмотрел на одного, на другого...

– Вот оно что. Мне бы самому догадаться.

Марес не расслышал их разговор:

– Доктор, что он сказал?

– Давайте-ка отойдём, коллега, на два слова. Сядьте. Выпейте это. Вам, кажется, нехорошо?

– При чём здесь я, – взвился Гарсиа: – Вы снова теряете время! Он слабеет, я же вижу, действие эликсира скоро закончится и перейдёт в фазу реакции, а Вы до сих пор ничего не сделали!

– Именно это я и хотел сказать. Есть у Вас ещё такой препарат?

Мигель покачал головой:

– Вы знаете.

Истрачено всё. А хоть и осталось бы – добавлять всё равно нельзя. Харрада и так получил слишком много. Да, Сатториус знал.¹⁰ И не за тем спрашивал:

– Нам потребуется средство, способное как-то смягчить, отсрочить реакцию. Найдётся у Вас что-нибудь такое, подходящее?

– Не с собой.

– Так съездите поскорее. А я пока закончу осмотр.

– Нет! – отрезал Гарсиа: – Я не оставляю его. Пошлю Ренато с запиской, мой Лукас всё привезёт.

– Нет, Вы сходите сами, – сменил тон старик: – Проветритесь немного, это пойдёт на пользу вам обоим.

Марес был ошарашен:

– Что это значит?!

– Не понимаете. – Хирург тащил его к двери: – Ваш друг старается пощадить Ваши чувства. Я ничего от него не добьюсь, пока Вы здесь. Идите и будьте спокойны – я хочу его вылечить не меньше Вашего. Мы сумеем договориться.

И не особенно спешите – не загоните ещё и мою лошадь, обе и так еле дышат.

Дон Мигель шагнул было к другу. Старик не пустил:

– Идите-идите, нечего с ним прощаться. Умирать он пока не собирается, – с тем и вытолкал. Снова сел возле раненого: – Ну, доволен? Теперь, надеюсь, упрямству конец?

Харрада набычился, он не был доволен. Он был зол:

– Зачем Вы с ним так!

Врач только руками развёл:

– Ну на тебя просто не угодишь. Нет у нас времени на сантименты, нет! Ты хоть понимаешь, сынок, на краю чего находишься?

– Не маленький, – буркнул Рыжий Чёрт. Всё он уже понял. Старик смягчился:

– Ну, для меня-то – маленький, да и оба вы – маленькие совсем. Ты как? Ещё один осмотр выдержишь? Четвертью часа мы с тобой располагаем точно.

– Не надо. – Он ткнул себя в поясницу: – Здесь. Это ускорит дело?

– Господи! Насквозь. А я тебя так мял. Бедный мальчик, – врач сокрушённо покачал головой. «Мальчик» раздул ноздри и сверкнул глазами. – Не буду, не буду! Сорвалось. Давай проверим. Убирай руки.

¹⁰ Эликсир под поэтическим названием «кровь дракона» никакого отношения к драконам не имеет. Но содержит в своём составе, помимо минеральных и животных компонентов: выгонку арники, аконитов, мандрагоры, белладонны... Кое-чего ещё. Очень небезобидные вещества.

Менее чем через минуту старик знал точно, где остановилась пуля. Сказал, извлечь её теперь не составит труда. Разрежем – и дело с концом. Нужно ждать Мареса:

– Отдохни пока.

– Незачем мне отдыхать, – возразил Харрада: – делайте сейчас, сами.

– Нет. – Лекарь накрыл его одеялом, давая понять, что вопрос закрыт, и это не обсуждается, занялся раной на голове. – Мне потребуется помощник. Свет направлять, да и тебя придётся держать.

– Это ещё зачем. Вообще, что ли, нестерпимо?

Хитрый старик поднял брови:

– От тебя ли я слышу подобный вопрос, мой мальчик? Не может быть, чтобы ты струсил, не верю.

Если он хотел разозлить пациента – то ему это удалось.

– Ничего я не струсил! Я вообще ничего не боюсь. Не надо меня держать! Я сам.

Если напугать хотел – тоже получилось.

– Нет. Сам не сможешь. Сам ты уже не смог. – И поднёс руку к его животу, словно собираясь проделать тот же нехитрый фокус. Харрада в секунду покрылся потом. – Понял? Вижу, что понял.

Так «понять» и «сдаться» – не синонимы:

– Ну и что! Я думал, меня громом убило. Потому что Вы не предупредили. Теперь знаю и сдержусь. Ничего особенного.

– Громом убило? Точно сказано, – похвалил барон его лингвистические способности. – Так вот: будет так же, даже хуже – только дольше. Лучше уж тебе знать заранее, а то скажешь опять, что не предупредили.

Михаэль запаниковал.

– Прошу Вас, доктор! – он вцепился в эскулапа мёртвой хваткой: – Пожалуйста, сделайте всё сами, сейчас, пока Мигель не вернулся! Вы видели, что с ним творится! Пожалейте его, сделайте всё сейчас! За меня не беспокойтесь, держать не придётся, клянусь! Я выдержу. Ну же, доктор, решайтесь! Ну хотя бы попробуйте! Скорее! Время, время идёт! Ренато, бери лампу. Стань там.

Врач посмотрел скептически, но – придвинул инструменты.

– Ладно. Попробуем. Но учти: я не намерен ради твоей прихоти стронуть, да и упустить пулю. Хоть чуть двинешься – бросаю всё, и ждём Мареса.

– Не двинусь.

– И молчи, не командуй.

– Молчу.

– Теперь замри.

Последующие несколько минут прошли для Михаэля в сплошном кошмаре. Он призвал всю свою волю, весь сжался, сдавил зубы, зажмурился... И ждал, что вот сейчас – *начнётся*. Испытание предстояло не из лёгких. Лекарь трогал его бок, спину, позвякивал инструментами, даже, кажется, резал, запустил зонд... Всё это вполне можно было терпеть. Харрада уже устал ждать в таком напряжении, он почти терял сознание – а гром всё не ударял...

– Перерыв, малыш, отдохни, отдышись немного. Как ты? – услышал он над самым ухом. – Да открой же глаза, посмотри. Видишь? – Доктор Сатториус перед самым его носом держал щипцы с зажатой в них причиной несчастий: извлечена. Михаэль не верил глазам. Хирург устало улыбался, по лицу катились капли пота. – Давай руку. Держи, – и в ладонь раненому упало миниатюрное ядро. И второе: – Тяжёлые? Внутри-то они тяжелее. Вот и всё, сынок. Мы с тобой молодцы, оба справились. Больно было?

– Не знаю. Как Вы это сделали! Лёгкая рука?

– А то, что я говорил тебе, ты слышал?

Михаэль обалдело потряс головой.

– Ты так перепугался, что и не чувствовал уже ничего? Это бывает. А оказалось всё не так страшно? Но держался ты хорошо, очень хорошо держался, достойно. Мужества тебе не занимать. Твой отец может гордиться тобой.

– Вот уж вряд ли.

– Почему? – казалось, Сатториус искренне удивлён.

– Я сбежал от него.

– Как сбежал? Зачем?

– Он женить меня хотел.

– Ничего себе причина.

Старый хирург с завидной ловкостью колдовал над ранами: прочищал, промывал, зондировал, опять промывал. И между делом занимал разговором:

– Ты – такой большой, и красивый – и не любишь женщин?

– Отчего же? Я живой человек. И в монахи не стригся. Но зачем любить только одну и непременно всю жизнь?

– Резонно. Так ты баловник. Любишь их всех?

Чрезмерной боли действия врача не причиняли, «баловник» вполне был в состоянии поддержать беседу. Тем более что тема хорошая:

– За что ж их не любить? Они как ангелы. Удивительные! Совсем не такие как мы. Все такие красивые – и такие нежные. Как цветы. А Элвира!.. – и повеса улыбнулся, а после тяжело вздохнул. Старик глянул с понимающей улыбкой, оторвавшись на секунду от своего занятия.

– Что, неужто так хороша?

Рыжий Чёрт сам не знал, почему начал выкладывать едва знакомому человеку историю своего побега – никогда никому не рассказывал. И не собирался. Всё рассказал. Как отец не давал встречаться с Элвирой – потому что она не знатная, она из простых, крестьяночка. Как ни с того ни с сего взъелись на него крестьянские парни – обидно, ведь прежде он со многими дружил. Всей деревней бить ловили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.